

Глава седьмая В НЕПОКОРЕННОЙ ЮГОСЛАВИИ

1. Подготовка к новым боям

Тотчас после сосредоточения в Мал-Дреновец, бригада приступила к продолжению ремонта техники и тактической подготовке.

К сожалению, нам пришлось выбраковать более трех десятков трофейных автомашин из-за износа двигателей и резины, что повлекло за собой некомплект порядка 13%.

По заданию комбрига я 6-го октября с заместителем начальника техчасти инженер-майором Иваном Карловичем Ребровым побывал на ремплощадке, развернутой ротой технического обеспечения. Командир роты кратко доложил об организации работ. Как всегда работа у него шла по отработанной еще в Карманово технологии. Посты ремонта по видам работ были оснащены всеми необходимыми механизмами и аппаратурой из подвижных реммастерских. Шумели электро-питающие агрегаты. Специальный пост изготавливал приспособления для крепления пулеметов на кабинах машин и башнях танков.

- Стальное и цветное литье освоено полностью, - докладывал старший лейтенант Леонид Федорович Тупицин. - Льем поршни двигателей, детали ходовой части и даже детали из пластмассы. Удастся использовать трофейные пластины при ремонте аккумуляторов.

- А сырье для литья?

- Трофейное, есть запасы.

Не видно было ни одного человека без дела.

- Сколько за день можете отремонтировать машин?

- Без замены двигателей - 12, плюс с заменой - 4. Рота капитально в сутки ремонтирует шесть двигателей, но два отдаем танковому полку и батальонам.

При возвращении с ремплощадки, инженер-майор Ребров сказал:

- Хорошие технические кадры выросли за войну.

- А ведь, на Никопольском плацдарме пытались меня заставить послать их стрелками в атаку, - ответил я. - И не было бы тех мастеров, на работу которых любо посмотреть. Чудеса творят!

- Один Тупицин что стоит! Грамотно и твердо руководит, без суеты, - заметил Иван Карлович.

За четыре дня, с 6-го по 9-е октября ремонт в РТО прошли более 60-ти автомобилей.

Боевой состав подразделений с утра 7-го октября начал отработку действий в горной местности: захват высот овладение перевалами, преодоление гребней. При этом обращалось внимание на особенности ведения огня в горах снизу вверх и сверху вниз.

А танковый полк сразу, по прибытии, получил 16 новых танков с 85-ти миллиметровыми пушками, почти две маршевые роты, доставленные на баржах по Дунаю в город Видин. В полку стало 35 танков, полностью по штату. Появились дополнительные, но приятные заботы: их пристрелка.

Укомплектованность подразделений и в целом бригады оставалась высокой - 88%. Практически штатным было артиллерийское и минометное вооружение. Два

взвода из трех отдельной роты противотанковых ружей нашли целесообразным перевооружить на станковые пулеметы.

Рассматривая ведомость боевого и численного состава бригады вечером 7-го октября, полковник Троценко с удовлетворением заметил:

- В нелегких боях в Молдавии и на полуторатысячном пути мы сумели сохранить хорошую укомплектованность бригады. Это - залог успехов в предстоящих боях.

Но не суждено было Якову Ивановичу дальше шагать во главе нашей бригады. Рано утром 8-го октября позвонил начальник штаба корпуса и сказал:

- К вам, Обатуров, выезжает новый командир бригады полковник Сергиенко. Встречайте его.

- Сергиенко? Заместитель комкора что ли?

- Да, Александр Евсеевич. Он уже не замкомкора, а командир 13-й.

- А знает ли об этом Троценко?

- Я с ним только что об этом говорил.

Страхнув оцепенение, я распорядился вызвать командиров полков и батальонов и подготовить приказ о вступлении в должность нового комбрига.

В лесу на поляне, где размещался командный пункт, были представлены полковнику Сергиенко офицеры. Поздоровавшись, он сказал, обращаясь ко всем:

- Яков Иванович Троценко удостоен нового назначения. Я надеюсь на дружную службу с вами. Будем точно следовать всем указаниям нашего комкора, генерала-героя.

После этого полковник Троценко попрощался, пожав руку каждому. Его тягостное настроение выдавал хмурый вид лица, что заметили все.

Вскоре в свой автобус Яков Иванович пригласил меня. Обняв, он дрогнувшим голосом сказал:

- Будем живы - увидимся. Таким как ты, тут не легко. Но именно подобные тебе достигают много. Только один товарищеский совет: береги себя, ведь лезешь в пекло, когда не надо.

Меня душил ком в горле. С трудом проговорил:

- Удачи вам на новом месте. И быть живым.

Разве мы могли знать, что больше уже не увидимся!

Вскоре до нас дошла весть, что Яков Иванович назначен командиром гвардейской мехбригады во 2-ой гвардейский мехкорпус. Офицеры восприняли эту весть с радостью и как доказательство того, что уход Троценко никак не связан с его деловыми качествами.

От Мал-Дреновца до ближайшего района боевых действий - югославского города Заечар было 45 км. Если огонь артиллерии был слышен слабо, то удары пролетавших над нами эскадрилий доносились достаточно четко. Уже 6-го октября мы знали, что 75-й и 68-й стрелковые корпуса 57 армии 3-го Украинского фронта в ходе наступления вошли в Восточно-Сербские горы, достигнув рубежа Рудна Глава, Брестовац, а ПО 93-й стрелковой дивизии, при содействии югославских партизан, далеко в горах овладел поселком Жагубица. Но на левом фланге 68-го стрелкового корпуса противник удерживал Заечар, узел грунтовых и железных дорог.

По приказу командира корпуса в Заечару 6-го же октября были направлены 62-й мотоциклетный батальон корпуса и разведроты всех бригад. 10 танков, десятки бронетранспортеров и бронемашин с опытными, лучшими воинами, какими

комплектовалась разведка, к 10-ти часам 8-го октября совместно с 19-й стрелковой дивизией разгромили противника и овладели городом.

Из обширной информации о противнике, полученной 7-го октября, стало известно, что командующий действующей в Югославии фашистской группой армии "Ф" генерал-фельдмаршал фон Вейхс из состава своих войск, насчитывавших 22 немецкие дивизии, десятки отдельных полков и батальонов, для обороны Югославии с востока назначил армейскую группу "Сербия". Командовал этой группой генерал Фельбер. Он против войск 57 армии поставил в оборону две горно-стрелковые дивизии - 1-ю и 7-ю "С" "Принц Евгении", моторизованную дивизию "Бранденбург", два полка русского белогвардейского охранного корпуса, шесть отдельных охранных батальонов и другие части. Левее, на направлении действий болгарских войск, оборону заняли 11 - я авиаполевая и полицейская дивизии и часть сил 22-й пехотной дивизии.

В день вступления в должность полковник Сергиенко и с ним подполковник Листухин и я были вызваны за получением боевой задачи. В таком же составе прибыло командование других бригад, отдельных полков, соединений и частей усиления.

Первым докладывал начальник разведки корпуса подполковник В.Н.Ефремов. Наряду с известными уже данными о противнике, мы узнали общую численность войск гитлеровцев в группе "Ф" - 270 тысяч человек, плюс 30 тысяч - в пяти венгерских дивизиях. Им помогали югославские контрреволюционеры - четники, усташи, бывшая белая гвардия. Всего предателей насчитывалось в Югославии 270 тысяч.

Им противостояла Народно-освободительная армия Югославии, включавшая 50 дивизий, объединенных в 14-ть корпусов, десятки отдельных бригад и партизанских отрядов. Общая численность НОАЮ - более 300 тысяч человек. Она имела трехлетний опыт тяжелых боев с оккупантами и предателями. Поддержка широких масс трудящихся была ее силой, отсутствие тяжелого вооружения - ее слабостью.

Начальник штаба корпуса полковник Чиж ввел нас в оперативную обстановку.

- Решением советского руководства НОАЮ выделено вооружение и снаряжение для оснащения 12-ти дивизий, переподчиняются верховному командованию НОАЮ 10-я гвардейская штурмовая и 236-я истребительная авиадивизии. Если выделяемое для сухопутных дивизий вооружение не успеет быть полностью применено в начавшейся операции, то авиадивизии уже поддерживают боевые действия югославам.

Сообщив эти сведения, полковник Чиж изложил затем самое главное.

- Начатый гитлеровским командованием отвод войск группы армий "Е" (командующий генерал-полковник Лер) из Греции потребовал от нашего командования ускорить проведение новой наступательной операции. Она уже идет с 28-го сентября, 10 дней. Ее целями являются: разгром армейской группы "Сербия", освобождение восточной части Югославии с ее столицей Белградом и воспреещение отвода группы армии "Е" из Греции и Албании.

- Наносятся два удара: главный - на белградском направлении, вспомогательный - на Пиротско-Нишском.

- Главный удар наносит 3-й Украинский фронт (57-я армия, 4-й гвардейский мехкорпус, 236-я стрелковая дивизия, 5-я отдельная мотострелковая бригада, 17-я воздушная армия, Дунайская военная флотилия) во взаимодействии с 1-й армейской группой (1-й пролетарский и 12-й ударный корпуса) и 14 корпусом НОАЮ, наступающими с запада. Вспомогательный удар осуществляет 2-я болгарская армия во взаимодействии с 13-м корпусом НОАЮ, действующими с запада и юга. 46-я армия 2-

го Украинского фронта силами 10-го стрелкового корпуса, наступающего в направлении Вршац, Панчево (12 км северо-восточнее г. Авала, на северном берегу Дуная содействует 3-му Украинскому фронту в нанесении главного удара).

- Таким образом, начавшаяся операция носит коалиционный характер и является первой такого рода операцией войск 3-го Украинского фронта, - сказал в заключение полковник Чиж.

После выступлений помощников командира корпуса и начальников родов войск командир корпуса объявил решение и поставил боевые задачи.

Корпус, составляя подвижную группу фронта, должен был за передовым отрядом 93-й стрелковой дивизии преодолеть Восточно-Сербские горы, выйти в исходный район в долине реки Морава, войти в сражение с рубежа Петровац, Табановац, с ходу форсировать реку, во взаимодействии с войсками НОАЮ развить успех по двум направлениям на Белград, перерезать пути отхода группы армий "Е", расчлнить армейскую группу "Сербия" и с ходу овладеть Белградом.

Для авиационной поддержки и истребительно-авиационного прикрытия назначался 9-й смешанный авиационный корпус, имевший 136-ю и 306-ю штурмовые и 295-ю истребительную авиационные дивизии.

Генерал Жданов обратил внимание на особенности, которые встретит корпус в операции. Главная из них - это выдвижение в исходный район в исключительно трудных условиях, по одной весьма посредственной дороге.

Он решил построить колонну в четыре эшелона, в основном одинаково сильных, что позволяло каждой бригаде самостоятельно отражать атаки наземных войск и авиации противника. Первый эшелон составляла 36-я гвардейская танковая бригада, второй, третий и четвертый эшелоны - соответственно 15-я, 14-я и 13-я гвардейские механизированные бригады.

- Для развития успеха предусматривается другое построение, - продолжал генерал Жданов. - На направлении главного удара, на левом фланге корпуса иметь три бригады, образующих первый, второй эшелоны и резерв. В первом эшелоне по-прежнему 36-я танковая, во-втором - 14-я и в резерве - 13-я бригады.

Вспомогательный удар на правом фланге корпуса наносит 15-я бригада.

После постановки задач командир сообщил приятную весть: ПО 93-й стрелковой дивизии к вечеру 7-го октября вышел в Ждрело, вначале пересеченной низменности, примыкающей с востока к долине реки Морава. Этим ПО пройден горный путь, назначенный корпусу. Как не радоваться!

Восточно-Сербские горы имеют специфическое строение. Десятки лесистых хребтов, их составляющих, тянутся в разных направлениях. Между хребтами, на скатах ущелий, выше ручьев и речек были построены дороги, которые в большинстве являлись грунтовыми или покрытыми тонким слоем щебня. Узкие, со многими серпантинами и крутыми подъемами и спусками, эти дороги затрудняли движение любой техники.

Вот и наш маршрут, один из двух лучших, а всего четырех имевшихся на участке Неготин, Княжевац (40 км южнее Заечара) на участках Брестовац, Жагубица; Крепольин, Шатонье, соответственно 28 и 12 км, был грунтовым, глинистым, в дождливую погоду грязным и скользким. Он не превышал ширину танка по внешним краям гусениц.

Словом, Восточно-Сербские горы были для нас еще одним, природным "противником".

Последним говорил новый начальник политотдела корпуса полковник Иван Алексеевич Подпоринов (полковник А.М.Костылев получил повышение). Для подготовки личного состава к действиям в Югославии он предложил использовать два документа штаба и политуправления фронта: "Справку о Югославии" и "Памятку воину Красной Армии в Югославии". От политсостава Иван Алексеевич потребовал больше помощи командирам в подборе личного состава в разведподразделения и в охранение.

Наши знания Югославии к тому времени ограничивались тем, что сообщала пресса. А "Справка" же позволила узнать военно-политическую обстановку в стране, организационную структуру и вооружение НОАЮ и многое о ее героических действиях против фашистских захватчиков и отрядов предателей. В ней также имелись сведения о быте народов страны, их культуре, традициях и исторических связях с Россией.

"Памятка" подчеркивала, что мы идем в страну дружественных СССР народов, единых с нами по крови и духу, идем, чтобы добить раненного фашистского зверя. Советских воинов ждут в Югославии как освободителей. Поэтому надо с честью и достоинством нести имя воина Красной Армии.

Неоценимую помощь оказали эти документы в партийно-политической работе. Памятку зачитывали перед строем и на собраниях.

Итак, первой задачей бригады являлось совершение марша с утра 10-го октября по маршруту Заечар, Метовница, Брестовац, Жагубица, Крепольин и выход к 20-ти часам того же дня в район Ждрело, Шетонье в готовности к переправе или форсированию реки Морава.

Мы начинали марш на сутки позже головной 36-й танковой бригады. И это естественно, так как длина колонны корпуса, несмотря на сокращение дистанций между частями и подразделениями, составляла 80 км.

Тотчас по возвращении, в штабе было разработано решение и расчет марша. Предусматривалось иметь 12-ть походных эшелонов, причем, в первом из них шла разведка и отряд обеспечения движения (ООД), включавший инженерно-минную роту и мотострелковую роту 2-го батальона; во втором - 1-й батальон, в третьем штаб бригады, в четвертом минометный батальон, а далее - танковый и противотанковый полки и все другие подразделения. 1347 зенитный артиллерийский полк побатарейно распределялся по колонне с тем, чтобы прикрыть от ударов авиации противника всю колонну.

Затем состоялся первый мой доклад предложений по решению новому комбригу. Полковник Сергиенко рассматривал карту, текст боевого приказа и ... молчал.

- Прошу вас утвердить или поправить предложенное решение. Через полчаса командиры, заместители по политчасти и начальники штабов придут за получением задач, - напомнил я.

После паузы полковник сказал:

- Хорошо.

Не с полной уверенностью, но я это слово воспринял как согласие с предложением: время-то было в обрез.

К расчистке дороги были готовы все части и подразделения. Весь запас больших саперных лопат, включая трофейные, был роздан.

На лесной поляне, освещаемой бензоэлектроагрегатом, покрытой маскировочными сетями, было собрано командование частей и подразделений для получения боевых задач. Я отдал рапорт командиру бригады.

- Начинайте, товарищ Обатуров, - распорядился он.

Я объявил решение командира бригады, дал указания по боевому и инженерному обеспечению.

С особой полнотой были доведены требования комкора, касавшиеся наблюдения и готовности к открытию огня. Суть их состояла в следующем: личный состав четных номеров машин и танков в походном эшелоне должен был наблюдать и быть готовым к развертыванию и ведению огня вправо, нечетных - влево. Установленным на кабинах машин и на башнях танков пулеметам определялся срок готовности к открытию огня через 5-6 секунд после команды. Горные упоры на подъемах следовало опускать, а на спусках - поднимать.

Подполковник Листухин дал указания по партийно-политической работе и вручил "Памятки".

То, на что командир бригады обратил внимание присутствовавших, меня озадачило.

- Товарищи командиры, приведите в порядок внешний вид офицеров и красноармейцев: смотреть неприятно. И честь отдают неряшливо.

Конечно, в службе это важно. Но решение-то объявил начальник штаба, а значит, командир должен обратить внимание на что-то самое важное в решении той задачи, которая на бригаду возложена.

Мне хотелось, чтобы ни у кого не возникло мысли, что толкование задач исходит от начальника штаба, а не от командира. Поэтому нужно было, чтобы части и подразделения без задержки получили боевой приказ. Но полковник отложил его подписание на утро.

Тогда мы схитрили. Майор Федоров вызвал из штабов частей и подразделений по офицеру, которые выписали пункты приказа, касавшиеся их. Предупредили, что возможны изменения. И хотя полковник Сергиенко подписал приказ в 11-ть часов 9-го октября, на ход подготовки это не повлияло.

Предвидя трудности с подвозом материальных средств из-за плохого качества и низкой пропускной способности дороги, по указанию комкора мы взяли дополнительно на броню танка: 0,3 заправки дизельного топлива и 0,5 боекомплекта боеприпасов; в кузова строевых машин - по 1,5 заправки автобензина, в вещевые мешки солдат - по две сутоотдачи продовольствия.

9-го октября большую часть дня штаб проверял готовность частей и подразделений к маршу.

2. Через Восточно-Сербские горы и Мораву к Белграду.

Марш бригада начала с прохождения исходного пункта - западной окраины Грамады головой колонны в 8 часов 10-го октября. И вскоре уперлась в разрушенный мост через заболоченную речку. Колчовец у поселка Кула. Посмотрев на то, что осталось от моста, бригадный инженер Н.А.Семененко доложил:

- Значительно быстрее мы построим новый рядом, чем возиться с обрушенным.
- Вам виднее. Командуйте.

ООД в течение часа соорудил мост из готовых элементов, и бригада двинулась дальше.

В 11-ть часов колонна подошла к болгаро-югославской границе. Это была третья государственная граница, которую мы пересекали. Поскольку заранее запрещено применение сигнальных средств, то головные машины каждого эшелона обозначали пересечение границы включением звуковых сигналов. Чувство гордости за героическую и великую советскую родину вновь овладело нами.

- Третья граница! Сколько пройдено и сколько сделано! - проговорил водитель "Хорха" Петр, родом из Одессы, мой одноклассник, но на войне с 1941 года.

- И не последняя! - торжественно произнес ординарец Семен Макаров.

- Верно, говорите, ребята. Много друзей легло в землю. Надо пройти границ еще столько, сколько потребуется, но как можно меньше потерять боевых друзей, - заметил я.

К Заечару, первому югославскому городу, мы подошли в начале 12-го часа. Перед мостом через реку Тимок образовалась "пробка". Неизвестный полковник остановил колонну тыла 14-й бригады и пропускал гужевой и автомобильный транспорт 68-го стрелкового корпуса. Я представился и сказал:

- По приказу комвойсками фронта эта дорога на 9-е и 10-е октября предоставлена 4-му мехкорпусу. Он обязал командующего 57-й армией до прохода мехкорпуса в эти дни дорогу не занимать. Поэтому прошу вас не препятствовать нашему движению.

- Подполковник, ты кто такой, чтобы мне указывать! - прокричал полковник.

- Я вам представился: начальник штаба 13-й гвардейской мехбригады 4-го мехкорпуса. И не указываю, а напоминаю, что дорога наша сегодня, а не 64-го корпуса.

- Этот корпус обеспечивает ваш проход через горы и идет впереди.

- Обеспечивает проход 68-й корпус, в частности, его 93-я дивизия, а не 64-й корпус.

- Уходите! - угрожающе крикнул он.

К этому времени капитан Семененко осмотрел мост и доложил мне:

- Правая сторона настила сломана, а по левой проходят повозки и с большим трудом автомобили. Нужен ремонт.

Я ухватился за это и громко приказал:

- Приступайте к ремонту.

Тотчас ООД подвел машины с лесоматериалом и начал ремонт, остановив движение. Как всегда, четко и спокойно руководили работой командир инженерно-минной роты старший лейтенант Иван Никифорович Ткаченко, командиры минно-саперных взводов лейтенант Максим Александрович Некрасов и младший лейтенант Федюхин.

Работы были выполнены за полчаса. По моему указанию команда регулирования стала стеной, перекрыв движение повозок, а на исправленный мост устремились

колонны тыла 14-й бригады, а затем и наш первый эшелон. Я подошел к полковнику Сергиенко, не выходявшему из "Виллиса", и сказал:

- Нужно, чтобы ваш заместитель подполковник Клейменов остался здесь и пропустил через мост бригаду.

- Передайте это ему.

Такие эпизоды были на фронтовых дорогах. Во многих случаях приказы об освобождении дорог для пропуска подвижных групп вперед не выполнялись. Поэтому большие и маленькие начальники вплоть до комкора вынуждены были проталкивать колонны, действуя решительно. Но я первый раз видел бездействие и безразличие командира бригады.

В 12-ть часов бригада вошла в Заечар. И масса жителей города, собравшиеся по обе стороны улиц, оставив свободными только проезд, радостно встретила нас, с таким же энтузиазмом, как болгары. Не зная сербского языка, отличающегося от русского в большей степени, чем болгарский, мы, однако, понимали суть возгласов:

- Да здравствует Красная Армия! (Живили, о Црвена Армия!)

- Да здравствует Советский Союз!

- Да здравствуют русские братья! (Живили, о браче русс!)

Нас забрасывали цветами, протягивали тарелки с фруктами и сосуды с молоком. И это - на второй день движения нашего корпуса! Трудно было представить, что творилось в первый день.

А на пути часто встречались щиты-указатели, установленные регулировщиками корпуса. Рядом с медведем, слоном и конем был изображен и наш олень, вытянувшийся в красивом прыжке.

Сразу после прохода села Брестовац началась узкая, больше пригодная для движения телег, чем техники, дорога. Наступившую ночную мглу дополнил морозящий туман, все больше сгущавшийся по мере подъема к перевалу у горы Потой-Чука. В дополнение к узости дорога местами стала скользкой. Колонна же шла без света фар.

Движение бригады замедлилось. И не только из-за природных условий: наша колонна "села" на хвост 14-й мехбригады, испытывавшей те же "прелести" маршрута, что и мы, крайне тяжелого до Жагубицы. Ход колонны стал рваным: то стоим, то движемся.

Иногда движение прерывалось из-за "пробок", возникавших там, где остановились сломавшиеся машины. На отрезке пути до Жагубицы пришлось убрать с дороги два танка, одну самоходно-артиллерийскую установку и четыре грузовых автомобиля. ООД быстро устраивал для них ниши в подошвах наиболее отлогих скатов, упиравшихся в дорогу; в эти ниши откатывались вручную или буксировались лебедками, танковым тягачом ломаные машины. Ниши умело и быстро делал, иногда взрывчаткой, минно-саперный взвод под командованием старшего лейтенанта Сентемова.

Сложно было: и управлять бригадой, знать положение походных эшелонов: в целях скрытности использование радиосвязи было запрещено. Мы пользовались только подвижными средствами связи: офицеры связи на мотоциклах доставляли донесения в штаб бригады и распоряжения в части и подразделения. Ввиду этого донесение из хвоста колонны, скажем, от тылового пункта управления (ТПУ) доставлялись на КП два часа при длине 17 км.

Когда голова колонны прошла перевал Потой-Чука и на несколько минут остановилась, из ночной мглы внезапно вырвался свет фар машины, двигавшейся к нам навстречу. Мы с полковником Сергиенко смотрели карту при свете фонарика у моей радиной машины, когда "нарушитель" сравнялся с нами. Комбриг уже показывал шоферу рукой, что надо выключить свет, когда перед нами из мглы появился генерал Жданов в сопровождении двух офицеров штаба корпуса. Пожав нам руки, он спросил не комбрига, а меня:

- Где колонна бригады?

- Голова в 400-х метрах впереди, хвост два часа тому назад был в Брестоваце, сейчас предположительно на подходе к перевалу у горы Црни-Вырх.

- Что значит "предположительно"?

- От хвоста до КП офицер связи на мотоцикле движется два часа.

- Ах да, конечно. Все мы без радио.

И, адресуясь к полковнику Сергиенко, приказал:

- А с ломаными машинами не возитесь, как другие. Сбрасывайте с дороги в пропасть. Лучше десяток машин потерять, чем опоздать к Мораве. И вот еще: после Жагубицы разрешаю движение с включенными фарами.

- Есть. Мы опаздываем из-за того, что дороги заняты.

- Знаю. Не только 14-ю, но и 15-ю держит 352-й тяжелый самоходно-артиллерийский полк. А я был поражен его смелостью и умением проехать навстречу колонн двух мехбригад, по дороге, едва позволяющей одностороннее движение.

Наше движение не прерывалось под воздействием каких-либо сил противника. 92-я стрелковая дивизия на всех тропах, выходящих на маршрут, выдвинула подразделения в виде неподвижных боковых застав, образовав для корпуса своеобразный коридор безопасности.

Трудные условия движения изматывали механиков-водителей танков, поэтому в Жагубице, куда бригада вышла к 20-ти часам, уже вторично подменили механиков командиры танков, каждый раз на два часа.

Не выдерживали те танки, которые прошли от Карманово до этих мест, движение с непрерывными поворотами. Бортовые фрикционы перегревались, и чтобы исключить коробление дисков, делались остановки для охлаждения.

С включением после Жагубицы фар скорость возросла и впереди идущей 14-й бригады и нашей. Мы пришли в Шатонье в 4 часа 11 октября, опоздав на 8 часов.

В пять часов помощник комбрига по техчасти доложил ему:

- Колонна пришла вся. На участке от Жагубицы до Шатонье отстало восемь танков, все с неисправностями бортовых фрикционов.

- Ремонтируют ли их экипажи или ждут дня? Инженер-майор Лысенко не подал виду, что вопрос задан по неграмотности и ответил так, как если бы вел урок с курсантами:

- Чтобы заменить покоробившиеся диски фрикционов, нужно снять броню крыши трансмиссионного отделения, отсоединить коробку передач от главного фрикциона, а бортовые фрикционы от бортовых передач, затем вытащить коробку вместе с бортовыми из танка. Только тогда можно снимать, разбирать и заменять в этих самых бортовых покоробившиеся диски. Как видите требуются подъемные лебедки, имеющиеся только в подвижных реммастерских.

- Сколько же времени уйдет на ремонт?

- К утру 12-го октября танки будут в строю.

Когда полковник отошел, инженер-майор Лысенко сказал:

- Плохо иметь дело в танковых войсках с не танкистами.

Затем мы с ним подвели итог марша. От исходного пункта пройдено 170 км, из них до 100 км - по горным "карнизам". Федоров воскликнул, поздравляя Лысенко:

- Дикие горы позади и отстало только восемь танков. Радуйся, орел!

Да, это был экзамен для гвардейцев-сталинградцев, необычный и весьма строгий. Мы его выдержали. Вполне обоснованно в книге "Советский солдат на Балканах" Маршал Советского Союза С.С.Бирюзов писал о нашем переходе через Восточно-Сербские горы, что "4-м механизированным корпусом был совершен беспримерный в истории Великой Отечественной войны подвиг".

Затем к 11 -ти часам бригада перешла в Жабари и, тотчас, приданный 1347-й зенитный артполк занял огневые позиции на восточном берегу реки Морава для прикрытия мостовой переправы.

Прибывший получить на месте данные о силах и средствах, с которыми вышла бригада в Жабари, заместитель начальника оперотдела корпуса майор Н.И.Барышев ознакомил нас с Федоровым с оперативной обстановкой. Еще утром, 10-го октября, ПО 93-й стрелковой дивизии с 53-м отдельным мотоциклетным полком, при поддержке авиации, после короткого боя захватили мост через реку Морава восточные Велика Плана - единственный на протяжении 50 км. Передовые подразделения 73-й дивизии, подошедшие вслед затем, переправились на западный берег и значительно расширили плацдарм.

В тот же день 10-й стрелковый корпус 2-го Украинского фронта совместно с частями НОАЮ в Воеводине вышел на подступы к городу Панчево, 12 км северо-восточнее Белграда.

Взаимодействующая с 57-й армией, 1-я армейская группа НОАЮ вышла на путь отвода группы армий "Е" Крагуевац, Белград и ведет бои за овладение Тополой, Младеновацем. Слева 2-я болгарская армия во взаимодействии с 13-м корпусом НОАЮ подошла к городам Ниш и Лесковац.

Считалось, что 57-я армия уже нанесла значительное поражение армейской группе "Сербия".

В связи с этим фашистское командование за счет войск из Греции и южных районов Югославии начало спешно усиливать гарнизон Белграда. Это требовало от наших войск быстрых и решительных действий.

Поэтому подвижная группа получила задачу: в течение 11-го и в ночь на 12-е октября переправиться через реку Морава, с утра 12-го перейти в наступление и не позже полудня 14-го октября совместно с 1-й армейской группой НОАЮ овладеть Белградом.

В соответствии с ранее принятым командиром корпуса решением, 13-я мехбригада составляла резерв. По уточненной 11 -го октября задаче, она должна была продвигаться на направлении главного удара корпуса за вторым эшеленом - 14-й мехбригадой, по маршруту Велика-Плана, Рача, Наталинцы, Топола, Младеновац, Ралья и 13-го октября овладеть городом Железник, не допустив отхода противника из Белграда на юго-запад, и подхода его сил к Белграду с юго-запада.

На реке Морава с ее заболоченной поймой, толщиной ила от полметра до метра, глубиной 1,6-2,0 метра бродов для танков не нашлось. Фронтвые понтонные средства могли подойти лишь 12-го октября, а с учетом времени на наводку, переправить танки можно было лишь вечером и в ночь на 13-е октября.

Естественно все внимание командования было сосредоточено на захваченном восточнее Велика Плана мосту, его оценке. Довольно старый мост из металлических конструкций имел длину 135 м, ширину 3,5 м, его грузоподъемность югославами определялась до 30 тонн. Изучение же моста нашими инженерами показало, что многие узлы из-за коррозии постарели и установленной грузоподъемности не соответствуют.

В этой обстановке командир корпуса решил переправить все, кроме танков и САУ, а затем экспериментально проверить возможность переправы по месту танков.

Переправа началась в 14-ть часов 10 октября и закончилась в 13-ть часов 11-го октября. Однако перед ее началом над районом моста появилась фашистская авиация. Плотный огонь 22-й зенитной артиллерийской дивизии и вызванные истребители 295-й дивизии помешали нанести удар по мосту. Фашистские летчики беспорядочно сбросили бомбы и поспешно ушли. Повторная попытка гитлеровцев нанести удар по мосту закончилась тем же.

Наша бригада переправлялась с 11-ти с половиной до 12-ти с половиной часов 11-го октября.

После этого под личным руководством генерала Жданова был пробно переправлен один танк Т-34-85 36-ой танковой бригады на малой скорости. Мост скрипел, прогибался, но стоял.

Так началась переправа танков и средних САУ, закончившаяся к исходу дня. Наш 38-й танковый полк переправился с 17-ти до 19-ти часов, а четыре отремонтированных в пути танка - в ночь на 12-е октября. К 20-ти часам 11-го октября бригада без четырех танков сосредоточилась в шести километрах к югу от Велика-Плана.

Штаб разработал предложения по дальнейшим действиям бригады. Мы с Листухиным и Федоровым прибыли на доклад.

- Теперь ближе к голове нужен танковый полк, за ним часть мотопехоты и артиллерии для стрельбы с закрытых огневых позиций, - докладывал я комбригу. - Остается в голове один мотострелковый батальон на случай выделения авангарда, за ним КП, далее 38-танковый полк, 3-й батальон, артиллерия, 2-й батальон и подразделения тыла. 1347-й зенитный артиллерийский полк побатарейно с танковым полком, 3-м батальоном, 1961-м противотанковым полком и 2-м батальоном. Прошу вас утвердить.

Полковник продолжал смотреть на карту и молчал. Это длилось долго, мы чувствовали себя неловко, и первым заговорил начальник политотдела:

- Сейчас 18-ть часов. Командиры и политработники после принятия решений должны поставить задачи, а затем в подразделениях должны быть озадачены все бойцы. Офицеры не спали предыдущие две ночи, когда же им отдыхать?

- Конечно, пусть отдыхают, - ответил полковник.

- Если задержим постановку им задач, не отдохнут.

- Начальник штаба, почему задерживаете? Я возмутился, но воздержался и сказал:

- Сейчас же приступим к постановке задач.

До 20-ти часов задачи частям и подразделениям были поставлены, а к 23-м часам задачу знал каждый воин.

В 22 часа я заслушивал командиров разведдозоров и ООД, чтобы уяснить, как они поняли поставленные им боевые задачи. Зашел подполковник Листухин. Закончив беседу с ними, я отпустил их, а с ними капитанов Бабкина и Семененко. Затем вопросительно посмотрел на Ивана Яковлевича.

- Геннадий Иванович, - вдруг с имени и отчества начал он, что почти не бывало, - что у нас за командир? Перед маршем ни да, ни нет, не сказал по предложенному решению, сейчас - тоже. На мосту в Заечаре не помог вам. В чем дело?

Я ответил не сразу, так как знал, что Иван Яковлевич "помогал" убирать Троценко. Полагая, что его вопросы рассчитаны на простака, я, в свою очередь, задал вопрос:

- А вы, Иван Яковлевич, как думаете, в чем тут дело? Листухин ответил тоже не сразу и притихшим голосом.

- Может он не понимает действий мехбригады?

- Пока судить не берусь, - в свою очередь сказал я. Штаб до часу 12-го октября проверял подготовку частей и подразделений к действиям. Всюду завершалась дозаправка машин, местами шли регулировки и ремонт резины. Выборочно проверялось, знают ли воины противника и свои задачи.

Сон валил с ног. В час ночи лег, но мысли лезли в голову, как муравьи на кусок сахара. Но одна вскоре овладела мною.

"Почему главный удар комкор наносит не прямо, через Смедерево на Белград, - думалось мне, - а по кривой, через Тополу, Младеновац, на Белград? Здесь корпус могут связать боями отходящие от Греции дивизии противника, и быстрый выход к Белграду сорвется, тогда как на прямом пути у противника значительно меньше сил".

Ставлю себя на сторону противника. "Фашисты знают о выдвижении корпуса. Что думают они? По логике то же, что и я. Но тогда Жданов прав, действуя по-своему, неожиданно для противника, а я не прав. Решение-то выходит отличное!" И успокоившись, заснул.

На рассвете 12-го октября бригады первого эшелона корпуса прошли боевые порядки 68-го стрелкового корпуса и устремились вперед. 13-я мехбригада выступила в 9 часов. До села Марковац дорога была покрыта щебнем, а дальше - грунтовая. В Марковаце мы впервые встретились с подразделениями НОАЮ. Они были из 21-й Сербской дивизии. И югославские воины и население ликовало, произносили лозунги в честь югославо-советской дружбы, Красной Армии, засыпали нас цветами и обнимали.

Прошедший дождь сделал трудной дорогу на село Роча, но стоило какой-либо машине забуксовать, ее тут же подхватывали жители или югославские бойцы и вытаскивали. В селе с Наталинцы бойцы выстроились по обе стороны улицы, приветствовали нас и салютовали стрельбой вверх.

На западной стороне села ветхий мост после прохода разведгруппы обрушился. Но не прошло и 15-ти минут, как солдаты и население завалили пролом снопами кукурузы, и вся техника прошла.

В селе Наталинцы нам встретились еще два моста. Один после усиления пропустил танки, а второй не выдержал. Население предоставило лес, а ООД рядом построил новый мост.

Задержавшись в Наталинцы, мы слышали бой в Тополе: шум артиллерийской канонады резали звуки трескучих танковых выстрелов.

- Это вступили в бой наши 36-я и 14-я бригады, - докладывал я комбригу.

Действительно, 36-я танковая бригада около 10-ти часов соединялась с одной из бригад той же 21-й Сербской дивизии, и двинулась вместе с ней к Тополе. Опрокинув заслон гитлеровцев на восточной окраине города, они ворвались в центр и рассекли колонну 117-й егерской пехотной дивизии противника, отходившей из Греции. Меньшая ее часть устремилась на север, а большая вступила в бой. Вскоре присоединилась к атаке танковой бригады 5-я Краишская дивизия 1-го Пролетарского корпуса НОАЮ. Действуя совместно, 36-я танковая, 14-я механизированная бригада и 5-я дивизия НОАЮ к 15-ти часам полностью очистили от гитлеровцев Тополу.

К 16-ти часам к Тополе подошла наша бригада. Тут прибыл замначоперотдела корпуса майор Барышев и передал:

- Командир корпуса приказал одним мотострелковым батальонам совместно с батальоном 93-й стрелковой дивизии занять оборону в километре южнее Тополы и не допустить прорыва на Белград гитлеровцев с юга. Какой батальон станет в оборону?

- Обатуров скажет, - указал на меня комбриг.

- 1-й майора Мозгового; он рядом, быстро выдвинется. А с кем из югославских частей иметь ему дело?

- С 4-й бригадой 21-й сербской дивизии.

Майор Федоров отправился на поиски командира этой бригады, а я вызвал майора Мозгового и командира противотанкового полка майора Приходько. По прибытии ввел их в обстановку, а майору Приходько приказал выделить на усиление батальона две батареи.

- Товарищ, полковник, командир батальона майор Мозговой готов получить задачу, доложил комбригу комбат.

- Обатуров поставьте ему задачу.

На карте Мозгового я нанес рубеж обороны батальона, показал рубеж стрелкового батальона 93-й дивизии и добавил:

- Встретьте две батареи, Василий Дмитриевич и... успеха вам.

Но в это время майор Федоров представил командира 4-й бригады 21-й дивизии НОАЮ, и я свел их с Мозговым. Мы договорились, что бригада будет оборонять рубеж слева от нашего батальона, а один батальон будет иметь в резерве в центре Тополы.

Так, начиная с боя за Тополу и кончая штурмом Белграда, соединения двух освободительных армий наступали в тесном взаимодействии.

С 16-ти часов 36-я и 14-я бригады, за ними 230-й гаубичный, 140-й минометный полки и дивизион 58-го гвардейского минометного полка РС устремились на север. По решению комкора на танки, автомобили и артиллерийские тягачи были посажены подразделения 5-й Краншской дивизии 1-го Пролетарского корпуса.

Затем 36-я танковая бригада с ходу разгромила прикрытие противника в поселке Белославцы, а в сумерки вышла к городу Младеновац, встретив в обороне до двух пехотных батальонов с артиллерией, танками и штурмовыми орудиями. Бой был организован в сумерки, огневой налет ночью и ночью же - атака со светом фар. С запада атаковали три бригады НОАЮ. С южной окраины фашисты были сбиты быстро,

но уличный бой затянулся. К 23-м часам вражеский гарнизон был разгромлен и город очищен от противника. Но это стоило бригаде потери 14-ти танков.

Получив сообщение об этом бое, мы радовались.

- Это здорово! - воскликнули Федоров и Ярцев. - Больше городов до Белграда нет. Путь к Белграду открыт.

- Да, без городов легче. Но с приближением к Белграду силы гитлеровцев за счет сокращения фронта уплотняются. А значит, сопротивление возрастет, - радуясь, заметил я.

После Младеноваца главные силы корпуса стали продвигаться быстрее.

Всю ночь шли со светом фар. Наша бригада вслед за 14-й и артиллерией скачками продвигалась вперед и в 3 часа 13-го октября достигла Младеноваца. По городу она шла, обходя сожженные и подбитые танки, и штурмовые орудия противника и свои.

На рассвете 36-я танковая бригада совместно с разведотрядом корпуса - 62-м мотоциклетным батальоном и батальоном 1-й Пролетарской дивизии НОАЮ провела бой за поселок Ралья, сражаясь за каждый дом. Здесь по ней фашистам удалось нанести удар штурмовой авиацией, что замедлило наступление. Поселок был взят после упорного боя.

Около 11-ти часов командиры и начальники штабов бригад были вызваны к командиру корпуса, на его КП, следовавший за 36-й бригадой. Это было километра четыре севернее Ралья. Генерал Жданов представил нас командующему 1-й армейской группой НОАЮ, генерал-подполковнику Пеко Дапчевичу. Худощавый, выше среднего роста, стройный, он был подвижен, бодр и весел. Поздоровавшись по-русски, он говорил на сербском языке через переводчика.

- Доблестные офицеры великой Красной Армии. О дальнейших совместных действиях мы с уважаемым генералом Ждановым договорились. Я же хотел вам передать от тысяч югославских воинов нашей группы две просьбы: первая - у нас нет танков и артиллерии, поэтому пусть наши батальоны наступают, тесно прижавшись к вашим батальонам, наши бригады - к вашим бригадам. Тогда ваши танки и огонь вашей артиллерии будут нам поддержкой. Вторая просьба - позвольте нам первыми войти в Белград.

Затем, пожав собравшимся руки, Пеко Дапчевич в сопровождении генерала Жданова удалился к своей машине.

А подполковник Толубко использовал момент и ознакомил нас с обстановкой.

- А как мы прикрыты с юга, например, в Тополе? - спросил командир 14-й мехбригады полковник Никодим Алексеевич Никитин.

- Сегодня, 68-й стрелковый корпус - частью сил, выходит на рубеж Аранджеловац, Влакча (12 км юго-восточнее Тополы) с тем, чтобы 14-го октября, прочно удерживая этот рубеж, передовыми отрядами овладеть городами Чачак, Крагуевац (соответственно 50 км юго-западнее и 30 км юго-восточнее Тополы) и перехватить дорогу Кралево (60 км южнее Тополы), Сараево.

Возвратившегося к ним генерала Жданова Петр Семенович Жуков, командир 36-й танковой бригады спросил:

- Как югославы мыслят первыми войти в Белград в случае, когда он окажется за прочной обороной гитлеровцев?

- В случае штурма войти в Белград югославы смогут только с нами вместе. Их стремление нам понятно. Все мы должны попытаться, чтобы части НОАЮ при штурме не отстали от нас.

В заключении комкор потребовал привести в порядок внешний вид личного состава и очистить от грязи технику, чтобы в столице Югославии, как бы не сложились бои, корпус выглядел по-гвардейски.

По полученному распоряжению 1-й мотострелковый батальон был снят из Тополы и к 19-ти часам присоединился к бригаде. Бригада оказалась вновь в кулаке. Между тем 36-я танковая бригада во второй половине дня у южного подножья горы Авала встретила оборонительный рубеж противника, прикрытый огнем артиллерии, проволочным заграждением и в отдельных местах минами. Широкая разведка убедила, что здесь проходит внешний оборонительный обвод Белграда. Он тянется от села Гроцки на Дунае к южному подножию Авалы, далее к Пиносаве (2 км западнее Авалы), Острожнице на реке Сава (10 км юго-западнее Белграда). Обход горы с востока не сулил успеха из-за предгорного рельефа местности, покрытой лесом, и заболоченных речек.

Командир корпуса решил без задержки прорвать оборонительную позицию силами 36-й и 14-ой бригад, поддержав их всей наличной артиллерией. Нашей бригаде он приказал по-прежнему оставаться в резерве. В боевых порядках обеих бригад наступала 1-я Пролетарская дивизия НОАЮ под командованием полковника Васо Иовановича. Непосредственно левее корпуса должна была наступать 6-я Пролетарская дивизия, которой командовал полковник Джока Иованович.

Сложность наступления у горы Авала состояла в том, что требовалось не нанести ей серьезного ущерба. Мы были информированы югославами, что гора Авала находится под охраной государства. На ней высится памятник Неизвестному солдату и с ней связаны народные легенды.

В районе Авалы у гитлеровцев оборонялись различные подразделения общей численностью более полка.

Разведка и подготовка наступления заняли три с половиной часа. Уже ночью, в 19-ть часов 45 минут, после 20-минутного артподготовки началась атака. Артиллерия гитлеровцев не успела засветло подготовить точный огонь, а их солдаты в окопах большей частью погибли от точного огня нашей артиллерии.

Мотострелковые подразделения 14-й мехбригады совместно с югославскими бойцами вскоре овладела горой Авала, не допустив повреждения памятника.

Примерно к 24-м часам прорыв завершился. Фашисты понесли большой урон.

Сообщение об овладении горой Авала и прорыва в ее районе внешнего рубежа обороны Белграда мы получили в селе Рипань (8 км южнее Авалы), куда бригада вышла к 22-м часам.

- Товарищ Федоров, через офицеров связи передайте приказание частям и подразделениям оставаться в колоннах в готовности по сигналу тотчас выступить, - приказал я.

А командиру бригады, слышавшему это распоряжение, доложил:

- Настало время, когда и нас введут в бой. Создались условия для прорыва в Белград. А может быть придется решать ранее поставленную задачу по овладению городом Железник.

- Должно быть так, - ответил полковник.

На всякий случай была проведена разведка прямого маршрута на Железник, минуя Белград.

15-я мехбригада днем 12-го октября разгромила в Луговщине сильный опорный пункт гитлеровцев, а в ночь на 13-е -второй опорный пункт в поселке и железнодорожной станции Раля (6 км южнее Смедерево). Вечером 13-го октября бригада во взаимодействии с 1-й Краишской бригадой НОАЮ, обойдя Смедерево с запада, вышла к Дунаю, перехватив дорогу Смередево, Белград. Пожаревацкая группировка фашистских войск под командованием генерала Штеттнера, численностью, как позже выяснилось, свыше 20-ти тысяч человек, оказалась отрезанной от Белграда. С востока на нее наступал 75-й стрелковый корпус 57-й армии, 14-й корпус НОАЮ, а с запада противостояла 15-я мехбригада и 1-я Краишская бригада НОАЮ.

В свою очередь в тяжелом положении оказалась и 15-я мехбригада, во много раз уступавшая в силах и средствах противнику. С фронта, у села Гроцка, она уперлась во внешний оборонительный обвод, занимавшийся полком дивизии "Бранденбург", успевшим отойти из Смедерево, а с тыла на нее наседали отступавшие гитлеровские войска, группы Штеттнера.

Командир бригады подполковник Михаил Александрович Андрианов с тыла прикрылся 1962-м противотанковым полком, усиленным мотострелковой ротой и танковым взводом. За день 14-го октября это прикрытие успешно отбило восемь атак, однако в конце дня враг обошел его и окружил шесть орудийных расчетов, которые погибли в неравном бою, уничтожив у врага 8 танков, 11 бронетранспортеров, три штурмовых орудия и сотни фашистов.

А главные силы бригады за это время, прорвав у Гроцки внешний оборонительный обвод, с боями двинулись к Белграду. 16-го октября бригада вышла к восточной окраине города и соединилась с корпусом, когда в городе уже двое суток шел штурм.

И в эти дни не прекращалась работа по разъяснению личному составу интернационального долга по отношению к народам Югославии. Повседневно напоминалось о необходимости дружеских взаимоотношений с югославским населением и укрепления боевого братства с частями НОАЮ.

Итак, мы под Белградом. Впереди штурм. Прорыв внешнего оборонительного обвода явился его прелюдией.

3. Штурм Белграда

Вслед за прорывом внешнего оборонительного обвода и занятием Кумодража, 36-я танковая бригада с десантом от 1-й Пролетарской дивизии НОАЮ устремилась к Белграду. Но она была встречена сильным огнем и уперлась в противотанковый ров. Стало ясно, что с ходу прорваться в город враг не даст.

Тотчас была организована широкая разведка 62-м мотоциклетным батальоном корпуса и бригадами: на участке Мириево, Баница - 14-й и 36-й бригадами; от Баницы до Жарково - нашей.

Одновременно ночью же командир корпуса начал стягивать к Белграду все силы корпуса, а Пеко Дапчевич - главные силы 1-й армейской группы НОАЮ. Наша бригада к рассвету переместилась в район к западу от горы Авала.

К восьми часам были получены и обобщены данные разведки корпуса и бригад. Стало известно начертание и оборудование переднего края внутреннего оборонительного обвода, места огневых средств на нем и минных полей перед ним. Но построение обороны города в целом, силы и средства, его обороняющие, не были известны.

Помогли югославские патриоты-воины и жители города. Они заранее, при подходе корпуса к городу, нанесли на план города объекты обороны гитлеровцев. В результате их сведения в сочетании с данными нашей разведки к 8-ми с половиной часам позволили составить представление о вражеской обороне. Начальник разведки бригады привез обобщенные материалы об обороне гитлеровцев от начальника разведки корпуса.

Оборону города гитлеровцы готовили заблаговременно. Передний край внутреннего оборонительного обвода проходил от реки Дунай по восточной и южным окраинам районов Велики Врачар, Коньярник, Вождовац, Милошевац, Баниц, через лес Кошутняк, по юго-западной окраине Чукарицы до реки Сава. Он был оборудован траншеями и ходами сообщения, а перед ним вырыт противотанковый ров, прикрытый на наиболее доступных направлениях противотанковыми минами. Местами перед рвом имелись проволочные заграждения.

Оборона внутреннего обвода основывалась на пяти узлах сопротивления, обращенных во вне города, и одном центральном, включавших каждый две-три линии опорных пунктов, оборудованных в городских кварталах и на высотах. Это северо-восточный с центром у обсерватории; юго-восточный, охватывавший Коньярник, Вождовац и Милошевац; юго-западный, включавший Чукарицу, Баново Брдо, сахарный завод; западный, опиравшийся на всю территорию железнодорожной станции, главный вокзал и предместные кварталы Савского моста; северо-западный с крепостью Калемегдан. Центральный узел сопротивления охватил район Ташмайдана, старого королевского дворца и площади Славия.

Внутри города в опорные пункты были включены все площади и важные перекрестки, прочные здания и сооружения. В этих местах, в железобетонных, деревоземляных сооружениях, и на первых этажах зданий были установлены для ведения перекрестного и флангового огня противотанковые и штурмовые орудия, и по несколько пулеметов. Истребители танков с фауст-патронами, гранатами и зажигательными бутылками, а также снайперы и автоматчики - во всех зданиях. Во всех узлах сопротивления имелись маневренные группы танков.

В оборону города гитлеровцы стянули много сил: два егерских полка, крепостной полк, два полицейских полка, три полка белогвардейского охранного корпуса, батальон 7-й мотодивизии, 19-ю зенитную артиллерийскую дивизию, 98-й зенитный полк, шесть отдельных охранных батальонов. Итого, таким образом, 11-ть полков и 7 отдельных батальонов. В них насчитывалось около 22-х тысяч человек, 52 танка и штурмовых орудия и до 300 орудий и минометов.

Кроме того, на аэродроме Земун (10 км северо-западнее крепости) базировалось более 80-ти боевых самолетов, в основном Ю-87.

Благоприятной была для нас оперативная обстановка. По материалам штаба корпуса, доставленным офицером связи еще в 7 часов 30 минут, движение войск группы "Е" из Греции на Белград оказалось перехваченным: к югу от Тополы - частью сил 68-го стрелкового корпуса и 17-й Восточно-Боснийской дивизии НОАЮ; 64-м стрелковым корпусом, 2-й болгарской армией и 13-м корпусом НОАЮ - в районе города Ниш (220 км юго-восточнее Белграда). 10-й стрелковый корпус 2-го Украинского фронта вышел на реку Тамиш (12 км северо-восточнее Белграда), его 109-я гвардейская стрелковая дивизия форсировала Дунай у Велико-Село (8 км восточнее горы Велики Врачар).

Нарастала группировка войск НОАЮ под Белградом. Наряду с передовыми частями 1-й и 6-й дивизии, 1-го Пролетарского корпуса, действовавшими в полосе 4-го гвардейского мехкорпуса, выходил авангардными частями трех дивизий к Жарково, 12-й ударный корпус.

Следовательно, с каждым часом усложнялось положение белградской группировки гитлеровцев. Но не простое положение было и у 4-го мехкорпуса. С одной стороны, сильная оборона Белграда требовала для ее прорыва несравненно больше сил, чем мехкорпус и несколько дивизий НОАЮ, вооруженных лишь стрелковым оружием, к тому же насчитывавших от 2800 до 4000 человек (кроме 1-й Пролетарской дивизии, имевшей 5200 человек). С другой стороны, опасно угрожала и Пожаревацкая группировка гитлеровцев, рвавшаяся с востока и сдерживавшаяся 15-й мехбригадой и 1-й Краишской бригадой НОАЮ.

В этой обстановке командующий войсками фронта решил усилить корпус, придав ему 73-ю гвардейскую (командир генерал-майор С.А.Козак) и 236-ю (командир полковник П.И.Кулижний) стрелковые дивизии. Но они находились еще на рубеже реки Морава или частью вели бои в районе Велика Плана и могли быть под Белградом не ранее как через полутора-двое суток. Такое же время требовалось для подхода основных сил 1-й армейской группы НОАЮ (1-го и 12-го корпусов). Пожаревацкая же группировка противника была рядом.

Медлить было нельзя. Генерал Жданов решил не откладывать штурм, начав его ровно через столько часов, сколько требуется для подготовки штурмовых отрядов и групп и их взаимодействия. С ним согласился командующий 1-й армейской группой НОАЮ генерал Пеко Дапчевич.

В семь часов 30 минут я был вызван на КП корпуса восточнее Яинце. Начоперотдела подполковник Толубко ознакомил меня с предварительным решением командира корпуса и передал его указание выделить один, желательно лучший, мотострелковый батальон для неотложного перехода в наступление в направлении Баница, Дединье.

- Это что, разведка боем? - спросил я.

- Похоже на это. Задачу батальону будет ставить лично командир корпуса. Потом в этом же направлении будет наступать ваша бригада.

- Разве мы не можем поставить задачу батальону? Владимир Федорович пожал плечами. Времени не было, и я поспешил в бригаду. По прибытии доложил полковнику Сергиенко:

- Для разведки боем выделить 1-й батальон. Бригаду выдвинуть к северо-западу от Яинце и развернуть в предбоевой порядок. С комбатом прошу разрешения убыть к комкору.

После паузы полковник спросил:

- А кто будет выводить бригаду?

- Укажем по карте места голов колонн, подадим сигнал, и бригада двинется, имея в голове штаб.

- Тогда следуйте к генералу.

Мы с Федоровым определили места колонн частей и подразделений, он начал доводить указания до них с указанием к 10-ти часам выдвинуться, а я убыл с майором Мозговым и его старшим адъютантом к комкору.

У генерала Жданова мы были втроем в начале девятого. В кустарнике склонились над картой, разложенной на складном столе, три Владимира: Жданов, Чиж и Толубко. Тут же был командующий артиллерией подполковник С.Ю.Махлин. Я представил Мозгового.

- Давайте карты, - приказал комкор.

Мы оба развернули карты. Посмотрев на них положение противника, генерал начал:

- Здесь все верно. Вашему батальону без задержки, скажем, в 9.30 атаковать по балке восточнее Баницы и, продвигаясь к центру города, способствовать выполнению задачи 36-й танковой бригадой, наступающей правее.

- А во сколько переходит в наступление 36-я? - спросил Мозговой.

- Позже вас часа на два-три.

- Чем батальон усилить? Как с артиллерийской поддержкой? - спросил я.

- Дайте батарею противотанкового полка, огнем же артиллерии поддержит Махлин.

Перед уходом мы подошли к Махлину.

- Поддержит дивизион 230-го гаубичного полка. Его НП -1 км северо-западнее Кумодраж. Найдите командира дивизиона, и он вас поддержит.

Мы поспешили в поле севернее Баницы, встретились с колонной его батальона, а капитан Кузьмин отправился искать дивизион поддержки. Забегая вперед, скажу, что никакого НП в указанном месте не было.

- Действия типично махлинские, безответственные, - резко сказал я. - Поддержим минометным батальоном.

Посланный мною офицер связи - лейтенант Иван Семенович Качала, привел батарею 1961-го противотанкового полка, саперный взвод и передал распоряжение о прибытии капитана Носкова - командира минбатальона.

Майор Мозговой вызвал командиров рот, батарей, и мы отправились на рекогносцировку, выдвигаясь по кустам и рошицам ближе к переднему краю противника, по начавшейся проросшей балке. Не замедлил прибыть капитан Носков, командир минометного батальона.

Изучили местность и передний край противника невооруженным глазом и с помощью биноклей.

- В каком направлении будете атаковать, Василия Дмитриевич? - спросил я.

- Вдоль балки, затем выйти на северную окраину Баницы, а дальше ориентируюсь.

- На этом я вас покидаю. Берегите людей, желаю удачи! - удаляясь, сказал я Мозговому.

На обратном пути меня перехватил майор Федоров.

- Вас с комбригом и начальником политотдела - к командиру корпуса.

На КП корпуса с замыслом штурма Белграда ознакомил полковник Чиж.

- Главный удар наносит 36-я танковая бригада и 1-я Пролетарская дивизия в направлении Милошевац, центр, железнодорожный вокзал "Дунай" на севере города. Справа 14-я мехбригада и 30-я бригада НОАЮ наступают в направлении Вождовац, Дунашановац, с выходом в центральную часть города поворачивают на восток и овладевают районом обсерватории. Слева атакуют 13-я мехбригада и 6-я пролетарская дивизия НОАЮ в направлении Баница, Дединье; с выходом в центр поворачивают на Запад, наносят удар в сторону моста через реку Сава с задачей не допустить отхода противника из города. Цель прорыва - выйти в центр, ударами по расходящимся направлениям в тыл обороне гитлеровцев, расчленив гарнизон на части для последующего разгрома.

- Прорыв нашего и до трех дивизий Пролетарского корпуса осуществляется на участке Милошевац, Баница шириной 2 км, причем, участки прорыва 36-й и мехбригад имеют одинаковую ширину.

Фашистское командование ожидало, что советские и югославские войска сначала охватят город по всей дуге от Дуная до Савы, а затем нанесут несколько ударов. Понимал это и генерал Жданов и выбрал такой способ действий, который не ожидал противник. К этому способу толкало и отсутствие превосходства над противником, требующееся при штурме города.

В завершение этой работы, командир корпуса поставил задачи бригадам на местности и установил время готовности к атаке - 12 часов.

При возвращении в бригаду я высказал свое суждение о замысле штурма полковнику Сергиенко:

- Это - блестящий замысел. Его не ожидает противник, поэтому успех будет на нашей стороне.

- Уверенность - дело хорошее, - ответил полковник.

Мое мажорное настроение передалось штабу. Работали быстро и четко. Через 30 минут после возвращения я прибыл к комбригу для утверждения решения и подписания боевого распоряжения.

- Штурмовой отряд - 1-й мотострелковый батальон с танковой ротой, двумя батареями противотанкового полка, батареей зенитного полка и двумя взводами саперов. В первом эшелоне за штурмовым отрядом пойдет 38-й танковый полк с десантом от 2-го и 3-го мотострелковых батальонов, усиленный двумя батареями противотанкового и батареей зенитного полков, а во втором - 2-й и 3-й батальоны, каждый без роты, но с батареей противотанкового полка в готовности к штурму обходных танковым полком кварталов. Артдивизион назначается на поддержку первого эшелона, а минометный батальон - штурмового отряда. КП - с танковым полком. Прошу вас поправить или утвердить.

Полковник слушал, смотрел на карту и... молчал. Я ждал, а он молчал. А время - 9 часов 30 минут.

Наконец, я сгреб карту, подписал за комбрига боевое распоряжение, и оно тотчас было отправлено исполнителям.

В 9-ть часов 40 минут мы с командирами частей и подразделений скрытно выдвинулись на небольшую высоту в 600 м от противника, где полкам, батальонам и артиллерии были уточнены боевые задачи на местности.

При этом присутствовал комбриг и молчал. С его разрешения я уже, было, отпустил командиров, но тут подошел перебежками начоперотдела корпуса подполковник Толубко, отозвал нас в сторону и сказал:

- Артиллерийская и авиационная подготовка сразу после 12-ти часов продолжительностью 20 минут, затем - атака. Но 12-ая бригада, кроме 1-го батальона, в атаку пока не идет.

- Что, меняется решение? - спросил я.

- Без резерва нельзя... А я прибыл, чтобы взять командиров танкового полка и минометного батальона, представить их комкору для получения задач.

- А мы зачем тут в бригаде? - резко вырвалось у меня. - Почему вдруг нас лишают права командовать подчиненными?

- Геннадий... не надо. Терпение. Давай командиров, генералу виднее, - смягчая разговор, сказал Толубко.

Я позвал подполковника Тулова.

- А капитана Носкова дать вам не могу. Он впереди с 1 -м батальоном. Махлин обещал на поддержку батальона гаубичный дивизион, но не дал.

Мы с Листухиным проводили Толубко и Тулова до машины.

- Владимир Федорович, что за командира нам назначили? Молчит, ничего не решает. За операцию ни одного решения, предложенного штабом, не утвердил, включая сегодняшнее, - заговорил Листухин.

- Мне приходится брать на себя и решения и распоряжения: время идет, а от Сергиенко ничего нельзя добиться.

- Потому-то комкор и ставит задачи вашим подчиненным сам, ответил Владимир Федорович.

- А разве Обатуров разучился решать и распоряжаться? - возразил Листухин.

- Подполковник Листухин, не вам говорить. Вы тоже приложили руку к тому, чтобы сменить сокола на ворону.

Иван Яковлевич пытался оправдаться, но Толубко перебил его.

- Ты, Геннадий, правильно делаешь, что командуешь, - с улыбкой сказал Володя и убыл.

Тут последовало еще одно распоряжение, переданное по радио: одним мотострелковым батальоном овладеть селом.

Жарково, а затем развить наступление в направлении Баново Брдо, Савский мост. Этот обходной маневр, говорилось в радиোগрамму, выполнить совместно с одной из дивизий 12-го ударного корпуса НОАЮ. Начало наступления - не позже 13-ти часов.

Был назначен туда 2-й батальон, усиленный батареей 1961-го противотанкового полка и взводом саперов. На карте командира батальона капитана Александра Георгиевича Шалапенко я нанес задачу, а затем пояснил:

- Под Жарково - наш разведдозор, который установил, что противник обороняет сам поселок, а южнее не обнаружен. Свяжитесь с выходящими к Жарково частями НОАЮ и наступайте совместно.

Батальон сопровождал майор Федоров, встретился с комиссаром одной из бригад 11-й дивизии НОАЮ, головной батальон которой подошел к Жарково. С этим комиссаром капитан Шалапенко договорился о совместных действиях. Успокоившись, майор Федоров вернулся.

Я был в смятении в течение нескольких часов. Восхищение блестящим замыслом поколебалось. В самом деле, сила удара уменьшилась на треть, бригада разорвана на три части и не участвует в одновременном прорыве внутреннего оборонительного обвода. Да и не верилось в сколько-нибудь успешные действия 2-го батальона.

- Бригада разорвана на куски. Мы вроде ею командуем и не командуем, - с горечью говорил Федоров.

- Мы ее, наверное, еще соберем. Но жаль, что это случится не к началу штурма, - заметил я.

Прибывший от командира корпуса командир 38-го танкового полка подполковник Тулов доложил, что его полк должен занять исходное положение 800 м севернее Яинце и быть в готовности при успешном продвижении 1-го батальона атаковать в его полосе, развить успех, захватить главный вокзал и мост через реку Саву.

- Хорошо, выполняйте, - сказал полковник Сергиенко.

- Ваш полк уже в исходном положении, а кто и когда пошлет его в атаку?

- Сказано: по сигналу штаба бригады. Подполковник Толубко что-то тихо докладывал генералу Жданову по прибытии, а затем уж очень коротко была поставлена мне задача.

Я задумался. Принятое нами решение на прорыв не действует, так как 1-й батальон не выполняет роль штурмового отряда. 2-й батальон выбыл на отдельное направление. Танковый полк чуть ли не "голенький" пойдет в атаку. Что делать? И решаю собрать воедино бригаду без 2-го батальона.

- Теперь нужно уточнить наше решение, - докладываю комбригу. - Капитан Ярцев, вызвать командиров противотанкового и зенитного полков, 3-го мотострелкового батальона и артдивизиона на ту же точку, где в первый раз ставили задачи. А командир танкового полка уже с нами.

Как раз в это время прибыл командир 6-й Пролетарской дивизии НОАЮ полковник Джока Иованович с командиром одной из бригад. Среднего роста, стройный и подвижный, в меру улыбчивый, он через переводчика доложил.

- Я прибыл, чтобы организовать совместное наступление с 13-й мехбригадой. Одна наша бригада, - сказал он, указывая на прибывшего с ним комбрига, - будет наступать с вашей бригадой непосредственно, а одна - левее.

- Хорошо. Сейчас начальник штаба обсудит с вами все вопросы, - сказал полковник Сергиенко.

Пригласив Иовановича, его комбрига и полковника Сергиенко в точку, куда были вызваны командиры частей и подразделений, я доложил комбригу:

- Поскольку 1-й батальон уже наступает, то в штурмовой отряд назначается 3-й мотострелковый батальон. Он усиливается ротой танков, двумя батареями противотанкового и одной батареей зенитного полков, двумя саперными взводами. В батальоне организовать две штурмовые группы на основе мотострелковой роты, усиленных каждая взводом танков, батареей 76 или 45 пушек, взводом 82 мм минометов и взводом саперов. Направление наступления отряда показываю: западнее Баницы, Дединье и далее по направлению наступления бригады.

Выяснив, что в бригаде НОАЮ роты (четы) численностью 25-35 человек, попросил выделить по одной чете в каждую штурмовую группу, три четы в танковый десант в дополнение к роте от 3-го батальона, две четы в 1-й батальон.

- За штурмовым отрядом наступает танковый полк с десантом и двумя батареями противотанкового полка, батареей зенитного полка, который, сравнившись с 1-м батальоном, выделяет на его усиление одну танковую роту. Артдивизион поддерживает наступление танкового полка. Желательно за танковым полком иметь резерв - один батальон югославских воинов.

Полковник Дока Иованович, подумав, сказал:

- Резервный батальон мы возьмем из бригады второго эшелона.

- Ясно. Готовность к наступлению назначается на 14 часов.

- Почему не в 12-ть? - спросил Иованович.

- Главные силы корпуса и 1-я Пролетарская дивизия перейдут в наступление сразу после 12-ти, а мы с вами позже, по получении сигнала. Так решено.

Затем я обратился к Доке с просьбой: дать нам в каждое подразделение по воину, знающему город и могущему быть проводником.

- Так есть и немало, - опередив его, ответил командир бригады. - Пошлем вместе с четами.

Коснусь одной встречи, последовавшей за работой на местности и оставшейся в памяти ярко, на всю жизнь.

При возвращении на КП ко мне подошел югославский воин и на чистом русском языке спросил:

- Какое у вас звание?

- Подполковник.

- Извините, в 1941-м году погон в Красной Армии не было, вижу их впервые.

- А вы, что, служили в красной Армии?

- Да. В 1937-м году окончил Рязанское пехотное училище, войну начал в Белоруссии командиром стрелковой роты. В августе под Смоленском раненый попал в плен. Увезли в Австрию, после излечения вместе со многими пленными работал на заводе рядом с Винер-Нойштадтом. Группой удалось нам бежать в Югославию и вступить в партизанскую бригаду в сентябре 1942-го года. Вот уже два года в югославской армии.

- Должность?

- Командир взвода.

- Что же, возвращайтесь в Красную Армию.

- Еще рано. Надо получить от командования НОАЮ характеристики и, когда здесь будет советское посольство, через него вернуться в СССР.

- Были в партии?

- Был. А теперь более года - югославский коммунист.

- А много наших в НОАЮ?

- Сотни. И все бывшие пленные.

Я его обнял, пожелал боевых успехов и возвращения на Родину. Он прослезился.

У меня сжалось сердце. Как только не расправилась с судьбами советских воинов, в том числе командиров, многих коммунистов, навязанная нам война! Невольно вспомнился июль 1942-го года, когда я, раненный и обгоревший, лежал без сознания во ржи. Его участь могла быть и моей участью. Или еще хуже.

Жаль, что из-за спешки, не записал фамилию этого мужественного человека.

Приближалась артподготовка. Ей предшествовала дымозавеса для того, чтобы под прикрытием ее сделать проходы для танков в минных полях. Их успешно устроила инженерно-минная рота старшего лейтенанта Ткаченко: в полосе бригады было одно поле и требовалось четыре прохода. Вслед за ними прогремели четыре взрыва: эта же рота обрушила берега противотанкового рва для прохода танков в четырех местах. Здесь особо отличился саперно-минный взвод под командованием гвардии младшего лейтенанта Федюхина, сделавший по два прохода в минном поле и во рву.

В 12-ть часов с минутами началась артиллерийская и авиационная подготовка. От нашей бригады в полосу наступления 1-го мотострелкового батальона привлекались к ней минометный батальон и минрота 3-го батальона. Штурмовики ИЛ-2 волна за волною наносили удары по позициям артиллерии гитлеровцев, занимаемым в парках, в лесах и за Савой. Авиация фашистов не оказывала сопротивления, так как в воздухе господствовали истребители 195-й авиадивизии.

Наш 1-й мотострелковый батальон с 9-ти с половиной часов и до начала общей атаки нанес поражение противнику за рвом у Баницы и продвинулся всего на 150 м в оборону противника, где и бал прижат к земле сильным огнем всех видов.

(В книге А.Ф.Толубко и Н.И.Барышева "На Южном фланге" на с. 313-314 использование 13-й бригады при штурме Белграда описано неточно, а обвинение в адрес Ковалева ошибочно).

Теперь мы наблюдали за ним и 36-й бригадой, атаковавшей правее. После овладения передним краем, продвижения 36-й бригады вперед и выхода ее на линию батальона, он возобновил атаку и пока не отставал, несмотря на отсутствие у него танков. К 13-ти часам он продвинулся на 400 м.

- Вот сейчас бы и нам ударить, успех был бы гарантирован, - высказался Федоров.

- У вас в штабе, Обатуров, принято обсуждать действия начальников, - заметил полковник Сергиенко.

- То, что говорит Федоров, - очевидно бросается в глаза. Это - не обсуждение, а право офицера высказывать свои мысли, следуя, однако, полученному приказу, - ответил я.

Комбриг покосился на меня, но промолчал. Эту дерзость я проявил сознательно: пусть знает, что в штабе его бригады - не манекены, а мыслящие офицеры.

Не отвечала радиостанция 2-го батальона, а в 13-ть часов он должен был перейти в наступление на Жарково. Это беспокоило, и я попросил разрешения у комбрига выехать туда.

- Пошлите Федорова.

- А если потребуется власть применить?

- Хорошо, не более чем на час.

Мне часа хватило. По прибытии увидел, что сам комбат и его батальон буквально спят на южных улицах поселка. Комбата Шалапенко я резко спросил:

- Почему не выполняете боевую задачу?

- Понимаете... нет югославов. Я один..

- Задача вам поставлена для выполнения независимо от того будут югославы или нет. Где югославский комиссар, с которым вас свел Федоров?

- Не знаю.

- Почему не договорились? Молчание.

- Старший адъютант батальона?

- Я - старший лейтенант Осадчий.

- Где югославский комиссар?

- Рядом через стенку.

- Командуйте, а капитан Шалапенко уедет со мной. Полчаса вам сроку, чтобы начать наступление.

При выходе я встретил командира 4-й мотострелковой роты, отличавшегося в боях не раз, старшего лейтенанта Федора Андреевича Березнева и с укором сказал:

- Эх вы, вояки! Спите вместо того, чтобы воевать как все.

- А разве вам, капитан Шалапенко, я дважды не напоминал, что надо наступать? - И уже, обращаясь ко мне, сказал:

- Наверстаем.

По возвращении я доложил полковнику Сергиенко о случившемся и просил отстранить капитана Шалапенко от должности.

- Тогда куда его? Могут судить и - в штрафной батальон.

- Можно ограничиться снижением в должности.

- Подумаем.

В 14-ть часов 1-й батальон отразил контратаку, а к 16-ти часам продвинулся вглубь обороны противника до полутора километров, штурмуя здания. К этому времени контакт с 36-й бригадой, обходившей парк в Вождавце с востока, был нарушен, и батальон был контратакован с обеих флангов. Командование батальона (майор Мозговой, заместитель по политической части капитан Ярославцев и старший адъютант капитан Кузьмин), донеся об обстановке, решило удерживать захваченный рубеж. Радиограмма Мозгового встревожила.

- Надо просить разрешения комкора на ввод в бой главных сил бригады, - доложил я комбригу.

- Зачем просить.

- Батальон погибнет.

- Донесите, посмотрим, что решат.

Я поступил по-своему: вызвал к радиостанции начальника штаба корпуса. Он отозвался быстро. Доложил суть и просил ввести в бой оставшиеся силы бригады.

- Сейчас доложу первому и отвечу.

До 17-ти часов ответа не последовало, а майор Мозговой донес: веду бой в окружении, прошу помощи.

Я отдал распоряжение всем частям и подразделениям продвинуться к Банице с тем, чтобы при получении разрешения быстро осуществить атаку.

Мы были уже у Баницы, когда в 17.30 полковник Чиж передал разрешение на ввод в бой.

Хотя противник и перекрыл мощным огнем нескольких дивизионов дальноточной артиллерии путь бригаде, она двинулась вперед. К этому времени 14-я и 36-я бригады тоже встретили сильное сопротивление. Нужен был толчок. И им явилась атака нашей бригады, состоявшаяся в 19-ть часов, одновременно позволившая

деблокировать 1-й батальон. Это были сумерки. Тут тяжелая весть потрясла нас. При бое в окружении погиб командир батальона майор Мозговой. Погиб как герой, управляя боем батальона. Василий Дмитриевич, как командир, рос на моих глазах, став комбатом еще на Днестре. С того момента его командирские качества возрастали с каждой операцией. Уже в Одесской операции он проявил себя как лучший комбат. Он умел учиться и учить, быстро впитывая в себя опыт. Мне и Федорову, связанным с Василием Дмитриевичем личной дружбой, пережить его смерть было особенно тяжело.

Батальон понес большие потери.

Бригада, штурмуя дом за домом, квартал за кварталом, стала успешно продвигаться вперед. Город был озарен вспышками выстрелов и разрывов снарядов и мин, тысячами трасс от пуль, секущих темноту во всех направлениях, и факелами разноцветных ракет. Грохот от стрельбы и взрывов был так силен на улицах, что трудно было разговаривать и вести радиопереговоры.

- Вышел на северные улицы Дединье, - доложили в 20-ть часов ночи одновременно два комбата и командир танкового полка.

- Молодцы! - отвечали мы. - Умело ведите огонь из танков и орудий, берегите город.

В штурмовом отряде мастерство проявили экипажи 1-й танковой роты 38-го танкового полка, которой командовал известный в бригаде храбрец гвардии старший лейтенант Иван Калистратович Дубенков. В течение полуторачасового боя они успели уничтожить один танк, одно штурмовое орудие, два противотанковых орудия, два ДОТа и до 60-ти солдат и офицеров противника.

Сосед справа - 36-я танковая бригада начала резко отставать.

- Прикрыть правый фланг, сосед отстал, - передал я вступившему в командование 1-м мотострелковым батальоном капитану Фролову.

Но в 20 часов с минутами передал по радио подполковник Толубко: комкор приказал коротким ударом части сил в направлении Душановац помочь в продвижении 36-й бригады на север. Я доложил полковнику о полученном распоряжении. Он промолчал, а я подумал, как это сделать. Чтобы не нарушать план боя, решил направить танковую роту с десантом и одной 76 мм батареей.

- Шестой, я второй, одной ротой с десантом и батареей ударом на Душановац на глубину один километр помочь соседу, после чего возвратиться к себе.

Подполковник Тулов ответил: "Понял, выполняю".

Во время этого маневра отличилась мотострелковая рота под командованием гвардии старшего лейтенанта Василия Ильича Наткина. Она штурмом взяла несколько домов, уничтожив до сорока гитлеровцев. А танковый взвод гвардии лейтенанта Рябчикова разрушил ДЗОТ, уничтожил одно орудие и до взвода гитлеровской пехоты.

2-ой мотострелковый батальон под временным командованием старшего лейтенанта Осадчего к 21-му часу совместно с пехотным батальоном югославов овладел центром Жарково и медленно продвигался вперед.

- И там мы сдвинулись, - вдруг проговорил полковник. Это было неожиданно. С начала наступления он по ходу боя не сказал ни слова, не поговорил по радио ни с одним командиром, не дал ни одного указания. И хотя эти слова "и там мы сдвинулись" мало что значили, они говорили о его интересе к ходу боя. К ходу боя, но не к тому, как его вести.

А командир югославской бригады, подполковник, неоднократно с пафосом говорил:

- Хорошо бригада Красной Армии наступает! И нашей бригаде с ней хорошо наступать.

Около 23-х с половиной часов командир 3-го батальона майор Ковалев передал по радио:

- Вижу реку Саву и разрушенный железнодорожный мост.

- Отлично! Продолжайте наступление вдоль реки на север к Савскому мосту.

- Понял, выполняю.

К 24 часам бригада вышла на рубеж - площадь Мостар, взорванный мост, повернула фронтом на север, а продвинуться не смогла: противник оказал сильное огневое и численное сопротивление. Доложил об этом в штаб корпуса и предложил комбригу закрепиться, а с рассветом, после доразведки, возобновить наступление.

- Посмотрим, что скажет командир корпуса, - ответил он. Вскоре к радиостанции вызвал меня начальник штаба корпуса.

- Ваше решение утверждается. Комкор действиями бригады доволен, и объявляет командованию, и всему личному составу благодарность.

- Что, Обатуров, сказал Чиж?

Я повторил. Полковник Сергиенко схватил микротелефонную трубку и начал говорить, но клапан не нажал.

- Нажмите клапан, - подсказал и показал я.

- Владимир Филиппович, служим Советскому Союзу! Знаете, в жестоком бою сломали врага! Он хитер, но мы действовали хитрее. Сейчас двинемся брать мост.

Офицеры штаба улыбались, а ответ полковника Чижа был слышен:

- Предложение Обатурова о возобновлении наступления с рассветом генералом утверждено.

- А... Понял.

Положив трубку, комбриг с недовольством обратился ко мне:

- А ты почему мне об этом не доложил?

- Вы же сразу взяли трубку и разговаривали с Чижом. Во-вторых, мой доклад Чижу вы слышали и не возражали.

- Впредь докладывать!

- А что толку? - вмешался подполковник Листухин. - Что бы начальник штаба не предлагал, вы, Александр Евсеевич, молчите: и не утверждаете, и не отвергаете.

- Я соглашаюсь.

- Не совсем, - упорствовал Иван Яковлевич. - Командир корпуса согласился с предложением Обатурова до утра закрепиться, а вы хотите немедленно наступать. А все растянуто по улицам незнакомого города, люди за ночь устали.

- Ну, ладно. А о благодарности надо донести до всего личного состава.

- Вот радиограмма, подпишите, - предложил подполковник Листухин.

Из трех подписей, заделанных на документе, полковник оставил только свою, и, возвращая после подписания, сказал:

- Достаточно одной.

- У нас так было принято годами, - заметил Иван Яковлевич.

Между тем майор Федоров печалился:

- Ведь могли бы мы выйти сюда на 5-6 часов раньше, если бы перешли в наступление одновременно с другими бригадами.

Качнув головой в знак согласия, я промолчал, чтобы не раздражать полковника.

Вскоре прибыл полковник Джока Иванович. Весь пылающий радостью, он воскликнул:

- Победа! Мы уже у Савы!

- Это еще не победа. Вот возьмем мост, тогда - победа.

- И мост возьмем! - с подъемом говорил он.

- Знаете, Дока, мы за ночь убедились в том, что при всякой неустойке и пехота и танки фашистов отходят к мосту. Значит, силы обороны предмостного района все время усиливаются, и нам будет нелегко.

- Каковы дальнейшие ваши планы, - спросил я.

- Одна бригада по-прежнему с вами. Другие бригады, что ночью взяли поселок и станцию Топчидар, пойдут громить фашистов в районе сахарного завода.

- Это хорошо. 13-ю бригаду вы прикроете с тыла.

Надо отметить, что жители города всюду нам оказывали помощь, даже под огнем. Они указывали, сколько и где засело в зданиях гитлеровцев, где установлены орудия, минометы и танки.

Перед рассветом 15-го октября бригада внезапно перешла в атаку и овладела юго-западной частью станционных путей, северо-восточнее взорванного железнодорожного моста. А с утра, после короткой артподготовки, продолжила наступление, штурмуя дом за домом по улицам Милоша Великого и Штрассмайерова. До половины дня продвижение составило всего полкилометра. Но это позволило взять под обстрел Савский мост 76 мм наземными и 37 мм зенитными орудиями. Дневное движение транспортных средств противника по мосту с половины дня было парализовано.

В восемь часов 2-й мотострелковый батальон совместно с подразделениями 11 -й дивизии НОАЮ овладел поселком Жарково. Это обрадовало нас, и мы подтянули 2-й батальон для совместных действий с бригадой. В 17-ть часов он занял для обороны рубеж в одном километре к северо-востоку от сахарного завода, прикрыв бригаду от возможного удара от Чукарицы.

В Жарково вновь отличилась мотострелковая рота гвардии старшего лейтенанта Березнева, нанеся большой урон гитлеровцам во время их контратаки. А командир пулеметного расчета гвардии младший сержант П.А.Денисенко уничтожил группу гитлеровцев, пытавшуюся со двора одного из домов обстрелять роту. С утра этого дня корпус начал перевозку частей 73-й гвардейской и 236-й стрелковых дивизий, а также вторых эшелонов 1-й и 6-й Пролетарских дивизий НОАЮ. Наша и 14-я бригада выделили для этих целей по 60 грузовых машин, другие части - столько же. Но головной батальон 73-й дивизии, доставленный ее средствами, поступил в подчинение 13-й мехбригады уже в 13-ть часов. Хотя его подразделения были малочисленны, но эта прибавка сил обрадовала. Он получил полосу для наступления к мосту левее 3-го мотострелкового батальона, вдоль непосредственно берега Савы.

Беспокойство и урон бригаде создавали, расположенные на западном берегу Савы, 88 мм зенитные батареи противника. Даже для КП бригады мне пришлось выбрать дом в 50-ти метрах восточнее улицы Мишина, под двойным прикрытием

домов с запада. Он давал обзор во все стороны, кроме западной. А для наблюдения на запад был оборудован в земле НП на берегу Савы.

Я приказал начальнику артиллерии подавить эти батареи. Майор Лещенко и командир артдивизии майор Брандуков не без труда нашли в плотно застроенных кварталах закрытую огневую позицию для 76 мм батареи.

Майор Брандуков и старший адъютант капитан П.А.Романов тщательно провели сокращенную подготовку огня. В результате пристрелка заняла мало времени, а огонь на поражение состоялся довольно внезапно. Две зенитные батареи врага, понеся потери, покинули позиции и отошли.

Это было 16-го, а 15-го октября гитлеровские батареи вели по нам огонь прямой наводкой на дальность до 3-х км.

В 15-ть часов перешел в контратаку пехотный батальон с пятью танками против 3-го батальона от главного вокзала, двигаясь по станционным путям. С КП мы это видели четко. Но комбриг решил наблюдать за отражением контратаки с открытого места вблизи реки.

- Товарищ полковник, там опасно. Стреляют немецкие зенитки из-за реки, - сказал я.

- Ничего, будем маскироваться.

Комбат - 3 и командир минбатальона доложили мне о готовности.

- Огонь по моей команде.

- Есть.

Когда танки и цепь гитлеровцев подошли к батальонам на 600 м, одновременно открыли огонь 24 миномета и восемь 76 мм пушек прямой наводкой. Разрывы мин покрыли цепь фашистов, а огонь пушек поразил танки. Фашистская пехота заметалась и, неся потери, начала отступать. Загорелось два танка, остальные повернули назад. Капитан Носков перенес огонь в глубину и вторично накрыл гитлеровскую пехоту. В итоге контратака фашистам ничего не дала, кроме потерь.

Когда я поблагодарил оба батальона, прибежал офицер связи старший лейтенант Бабенко и, волнуясь, доложил:

- Командир бригады ранен.

Оставив на КП Федорова, я побежал к берегу. Навстречу мне уже вели с трудом передвигавшегося Александра Евсеевича с окровавленной левой рукой. Его ранило осколком зенитного снаряда.

Через полчаса врач майор Александр Петрович Сергиенко доложил:

- У комбрига повреждение или раздробление кости в области левого локтя. Требуется госпитализация. Я доложил полковнику Чижю. Вскоре связался со мной генерал Жданов, выразил соболезнование и приказал:

- Вступайте в командование. В третий раз, но теперь вы командир бригады окончательно.

Я ответил коротко, по уставу "Есть!", хотя череда прошедших событий научила меня не верить в эту самую окончательность.

За короткое время я не смог хорошо узнать Александра Евсеевича, да это было и сложно: он, ведь, молчал даже тогда, когда обязан был говорить. Бесспорным было то, что этот сугубо пехотный офицер не знал танковые и механизированные войска, их тактику и технику. Плохо, видимо, он знал и общевойсковой бой. Это сочеталось с

нерешительностью, боязнью ошибиться, боязнью взять на себя ответственность - с качествами, несовместимыми с ролью командира. Проявил он единственную смелость и совершенно ошибочно, взявшись командовать мехбригадой.

Но почему генерал-лейтенант танковых войск Жданов, умевший разбираться в людях, заведомо знавший, что Александр Евсеевич не годится быть командиром мехбригады, перемесил его? Видимо потому, что спешил избавиться от Я.И.Троценко, а под руками не было подходящего офицера.

Этим поступком Владимир Иванович наказал бригаду, большой коллектив воинов-гвардейцев. Но такое никому не может быть позволено. И никому не может быть прощено.

За этим поступком последовал второй, оскорбивший командование и штаб бригады - слаженный штаб, что неоднократно отмечал он сам, оскорбивший тем, что батальонам и танковому полку бригады постановку боевых задач взялся делать сам, не доверяя нам.

Вернусь, однако, к событиям 15-го октября, второго дня штурма. Только к концу дня 36-я танковая бригада и 1-я Пролетарская дивизия вышли на южный берег Дуная, к северу от станции Дунай. В это же время 14-я бригада вышла на восточную окраину города и начала тяжелый бой за гору Велики Врачар с ее обсерваторией.

Так осуществилась первая часть замысла штурма: гарнизон врага оказался рассеянным на четыре части: две на востоке и две на западе города.

В тылу нашей бригады в течение дня вели бой за сахарный завод части 12-го ударного корпуса и частью сил - 6-я Пролетарская дивизия НОАЮ.

Анализируя утренние и дневные бои бригады, мы заметили, что за ночь с 14-го на 15-е октября группировка, противостоящая бригаде увеличилась. Начальник разведки капитан Бабкин докладывал:

- По показанию пленных и документам убитых можно заключить, что в районе западнее станции Дунай, крепость Калемегдан, Главный вокзал с Савским мостом, Ташмайдан обороняются 750-й егерский полк 118 егерской дивизии, 5-й моторизованный полицейский полк, крепостной полк, один-два отдельных охранных батальона и часть сил 19-й зенитной дивизии. Эта группировка имеет более восьми тысяч человек, до 30-ти танков и штурмовых орудий и более сотни орудий и минометов. В ночное время она может пополнить потери за счет вновь сформированной горной дивизии СС "Бехтер".

Я задумался. Соотношение не в нашу пользу. Но у нас более совершенные: техника и вооружение, а у противника - устаревших образцов. Кроме того, отошедшие в этот район подразделения противника еще не создали прочную оборону. Наконец, боевой дух наших и югославских воинов несравненно выше, чем гитлеровцев.

Итак, надо не медлить. И решил вечером и ночью продолжить наступление. С этим согласился и командир действовавшей с нами югославской бригады.

После объявления задачи штаб довел боевые задачи до частей и подразделений, а с 18-ти часов 15 минут после короткого огневого налета бригада перешла в атаку. Противник был многочисленнее и ожесточенно сопротивлялся в каждом доме. Конец дня и всю ночь подразделения блокировали и штурмовали дом за домом. В блокировании искусно действовали танки с десантами. К утру 16-го удалось овладеть несколькими кварталами улиц Штрассмайерова и Милоша Великого, и выйти на улицу

Поцерца. Бригада продвинулась на 700-800 м. Савский мост уже попал в зону пулеметного огня.

Этим на рассвете воспользовался командир пулеметного отделения 3-го батальона гвардии сержант Линник, заменивший раненного командира взвода. Заметив движение по мосту колонны пехоты, он открыл огонь сразу из двух станковых пулеметов и уничтожил до десятка гитлеровцев. Танковый взвод под командованием гвардии младшего лейтенанта Диканского, наступавший по улице Милоша Великого, разрушил огнем два ДЗОТа, уничтожил два орудия и два пулемета.

Около 24-х часов 15-го октября, когда к общей радости появилась проводная связь с КП корпуса, позвонил начальник оперотдела корпуса.

- Геннадий, обстановку за корпус знаешь?

- Да, кроме 15-й бригады.

- 15-я с боями отходит к Белграду в направлении Мал-Мокри-Луг. Но самое главное: решено сначала разгромить две восточные группировки, отразить наступление подходящей Пожаревацкой группировки фашистов, не допустив ее в Белград, а уж затем взяться за разгром группировок на западе города. Сил в вашем районе в ближайшее время не прибавится. Нужна бдительность: с вашего участка возможен встречный удар на восток для помощи Пожаревацкой группировке. Это и приказал вам передать командир корпуса.

- Уяснил. А кто будет справа от нашей бригады против северо-западного узла противника?

- Полк 236-й стрелковой дивизии по мере подвоза ее. Майор Федоров, возглавивший сейчас штаб бригады,

проинформировал о сложившейся обстановке командиров полков, батальонов и дивизий и предупредил о готовности к отражению возможного удара с запада.

Днем 16-го октября попытки бригады продолжить наступление, успеха не имели. Она отразила две контратаки, наиболее значительная из которых была направлена против 1-го мотострелкового батальона от госпитального городка в 17-ть часов 40 минут. Подпустив на близкое расстояние контратакующих, мотострелки огнем с верхних этажей зданий отсекали пехоту от танков и нанесли ей значительный урон. Было сожжено два танка и несколько повреждено, особо отличилась 2-я мотострелковая рота под командованием гвардии старшего лейтенанта А.И.Белопухова, уничтожившая до сотни солдат и офицеров. А танкам противника нанесла урон 2-я танковая рота под командованием гвардии капитана А.Г.Дюрдева.

При отражении атаки 3-м мотострелковым батальоном, отличились: наводчик станкового пулемета гвардии младший сержант И.Ф.Кожухарь, уничтоживший более десятка гитлеровцев, и командир пулеметного взвода гвардии лейтенант Курманкалы Рыскулов, остановивший заградительным огнем своего взвода роту гитлеровцев, и нанесший им немалые потери.

Подвиги всех гвардейцев при штурме Белграда описать невозможно. Они выполняли боевые задачи с отвагой и подъемом, иногда - с азартом.

Успеху прорыва к Саве, дальнейшего продвижения и организованному отражению контратак способствовала хорошо поставленная партийно-политическая работа. Начальник политотдела подполковник Листухин стал действовать более активно и значительно внимательнее относиться к указаниям комбрига, чем раньше.

Не уменьшилась численность партийных и комсомольских организаций. На место погибших и раненных в партию и в комсомол шли наиболее стойкие и отличившиеся в боях гвардейцы.

В соответствии с решением, которое сообщил подполковник Толубко, в восточную часть Белграда генералы Жданов и Дапчевич подтянули новые силы. К 14-й и 15-й мехбригадам прибавилась часть сил 236-й стрелковой дивизии, 5-я мотострелковая бригада, 5-я и 21-я ударные дивизии НОАЮ. Во второй половине дня, 16-го октября они, каждое соединение в своей полосе, нанесли одновременный удар на восток и юго-восток, разгромили и пленили оставшиеся там группировки противника и к концу дня закрепились на позициях бывшего внутреннего оборонительного обвода гитлеровцев. Здесь они подготовились к отражению удара Пожаревацкой группировки генерала Штеттнера, насчитывавшей до 20-ти тысяч человек. С этой же целью из Чукарицы к горе Авала во второй половине дня была перебросена 11-я дивизия 12-го ударного корпуса НОАЮ.

Корпус продолжил перевозку 73-й и 236-й стрелковых дивизий в Белград. К концу дня справа от нашей бригады вышел один батальон 814-го стрелкового полка 236-й дивизии. Он был подчинен мне, поэтому к утру следующего дня занял для обороны рубеж Ташмайдан, площадь Славия.

Ночью около часа 17-го октября позвонил командир корпуса. Я доложил обстановку и приготовился к нелицеприятному разговору по поводу того, что бригада не продвигается. Но он говорил спокойно.

- Может ты, Обатуров, не используешь артиллерию как кулак для надежного поражения опорных пунктов?

- Как кулак, я использую только минометный батальон. Имеется девять батарей 76 мм пушек, но как я могу их применить стрельбой с закрытых огневых позиций, если все снаряды перехватываются домами? Да и огневые позиции найти трудно.

- Это верно. Их применяйте только для стрельбы прямой наводкой. А каковы стрелковые батальоны?

- Укомплектованы личным составом и артиллерией на 50-60%. Они - на флангах бригады.

- Пока сил и средств у вас, Обатуров, не прибавится. Могу только оказать помощь огнем Дунайской флотилии. Держитесь. Может быть, придется вам перейти к обороне, но об этом - позже. А здесь я собираю все, что можно, чтобы остановить, затем разгромить Пожаревацкую группировку Штеттнера. Желаю успеха!

И в ночь на 17-е последовало распоряжение о временном переходе бригады к обороне занимаемого рубежа, имея в виду, что рубеж Ташмайдан, улица княгини Ольги займет 8-я бригада 1-й Пролетарской дивизии.

(Во 2-м издании книги "Белградская операция", М, Воениздат, 1990 г. называется цифра 30-ть тысяч человек. Тогда ее численность определялась в 20-ть тысяч человек)

Я с основным составом штаба и командиром танкового полка всю ночь провел в батальонах, включая и приданные; в последних главное внимание было обращено на формирование штурмовых групп и на усиление их батареями 76 мм пушек. Пришлось,

конечно, вносить поправки в организацию обороны и в этих, и в мотострелковых батальонах.

Обеспокоило поверхностное знание командиром 3-го батальона майором Ф.Ф.Ковалевым обороны подчиненных рот.

- Ваш батальон на самом главном направлении. Враг в первую очередь попытается отбросить от моста вверенный вам батальон, а вы командуете поверхностно. Сколько внесено исправлений в вашу оборону! В чем дело? - строго спрашивал я.

- Виноват, учту. Наверное, устал.

- Может денек отдохнуть?

- Нет, не нужно.

Одну роту стрелкового батальона пришлось растянуть для обороны берега реки Сава на километр на юг, поскольку не прекращались попытки переправы гитлеровцев в город.

С утра 17-го октября Пожаревацкая группировка перешла в наступление с целью прорыва в Белград и к Савскому мосту. Главный удар наносился по 15-й мехбригаде. Ожесточенный оборонительный бой продолжался до второй половины дня. Стойкость гвардейцев и югославских соседей, мощный огонь собранных сюда сотен орудий и минометов и 24-х реактивных установок, многочисленные удары групп штурмовиков ИЛ-2 сделали свое дело: враг был остановлен, а затем к концу дня и отброшен в исходное положение.

Одновременно шло накопление сил для окружения Пожаревацкой группировки. Оно завершилось в ночь на 18-е октября. Помимо нашего корпуса (без 13-й бригады), усиленного 5-й мотострелковой бригадой и 53-м мотоциклетным полком, в нем участвовали 75-й стрелковый корпус, по полку 73-й и 236-й стрелковых дивизий, пять дивизий и одна бригада из 1-й армейской группы НОАЮ.

Тогда численность окруженной группировки определять до 20-ти тысяч человек, более 400 орудий и минометов, 20 танков и штурмовых орудий, до 500 автомобилей. Основу этой группировки составляли 1-я горно-стрелковая дивизия, дивизия "Бранденбург", 92-я моторизованная бригада. Однако в послевоенных публикациях численность этой группировки Штеттнера оценивается в 30 тысяч человек. Может это и так.

Перевозка 73-й и 236-й продолжалась и 17-го и 18-го октября. Ею занимался заместитель командира бригады подполковник Клейменов.

А кроме нашей 13-й мехбригады с двумя стрелковыми батальонами в этот день остались в Белграде лишь две бригады НОАЮ. Все другие соединения и части были перегруппированы для разгрома Пожаревацкой группировки. Меня крайне беспокоило отсутствие у югославских бригад артиллерии. В случае встречного удара от Савского моста на восток 8 бригада 1-й Пролетарской дивизии могла не устоять. Я решил к северу от Ташмайдана поставить в оборону 2-й мотострелковый батальон. Но около 10-ти часов позвонил подполковник Толубко и передал:

- Комкор приказал срочно один мотострелковый батальон направить на усиление 15-й мехбригады в Мал-Мокри-Луг.

- Выполняю, но мне нечем усилить 8-ю бригаду НОАЮ: ведь у нее нет даже минометов.

После паузы, Владимир Федорович ответил:

- Рассчитывай на наш резерв - 352-й тяжелый самоходно-артиллерийский полк. Только своевременно дай знать об опасности.

Всякий командир знает: чужой резерв - не твой резерв, но "восточный" фронт требует усиления. Я направил 2-й мотострелковый батальон, к командованию которым не без уговоров подполковника Листухина вновь допустили капитана Шалапенко. Батальон уже с 13-ти с половиной часов двинулся в наступление в составе 15-й бригады.

В середине дня 18-го октября ко мне прибыл капитан 3-го ранга, заместитель командира дивизиона катеров Дунайской военной флотилии.

- Командованием флотилии приказано поддержать огнем наступление вашей 13-й мехбригады на белградскую крепость.

- До крепости далеко, а вот Савский мост надо взять. Каковы ваши силы? Где позиции?

- Стоим у северного берега в четырех километрах ниже разрушенного дунайского желдормоста. В дивизионе девять катеров: шесть однобашенных и три двубашенные.

- Значит 12-ть 76 мм танковых пушек?

- Верно, - улыбнувшись, ответил он.

Показав на карте города линию соприкосновения с противником, подчеркнул:

- В распоряжении противника сплошь жилые кварталы и улицы. Каждый снаряд перехватывается домами, и вместо поражения врага будем разрушать дома. А это запрещено.

- Что же нам делать?

- Только цели западнее Савы, если достанете.

- А КП подбирайте, поможет наш начальник артиллерии. Чаще всего он и будет доводить до вас задачи.

Тыловые подразделения бригады находились в районе Яинце. Передал по радио подполковнику Вологину:

- В ваш район с юго-востока возможен прорыв крупных сил фашистов. Организуйте оборону и используйте находящиеся в ремонте танки и орудия.

- Выполняю, - ответил помощник по тылу. Начальник штаба доложил:

- Высланы разведдозоры в район Киево, Чукарицы (4 км южнее Жарково), горы Авала, восточнее Ташмайдана.

- Что докладывает Шалапенко?

- В 14-ть часов его батальон вступил в бой и продвигается на восток южнее села Мал-Мокри-Луг.

18-го октября на окруженную группировку Штеттнера обрушился мощный огонь артиллерии, эшелонированные удары авиации и концентрический удар войск со всех сторон. Наступление шло весь день, кольцо окружения сжалось до предела. Однако группировка численностью до четырех тысяч человек южнее горы Авала прорвалась через югославские части и совершила бегство в направлении города Шабац (60 км юго-западнее Белграда). Принятыми генералом Ждановым мерами кольцо было замкнуто.

С утра 19-го октября окруженные вновь подверглись уничтожающим ударам. После трехчасового боя фашисты начали сдаваться.

Так прекратила существование Пожаревацкая группировка. Из ее состава было взято в плен более 800 человек и примерно столько же убито. Захвачены огромные трофеи

И мы готовились к новому наступлению. Большое внимание уделялось пропаганде боевого опыта, конкретных подвигов гвардейцев, примерам боевого мастерства, хитрости и отваги. В этом преуспевали замначальника политотдела майор Зубов и заместитель командира танкового полка по политчасти майор Субботин. Вместе со штабами, они обобщали опыт, собирали факты о мастерстве воинов и успевали бывать в подразделениях.

Рубеж обороны бригады проходил от Ташмайдана через площадь Славию, по улицам Неманина, Милоша Поцерца и середину станционных путей. 18-го октября в девять с половиной часов противник контратаковал силами до пехотного полка с 15-ю танками и штурмовыми орудиями от главного вокзала и Савского моста против левого фланга бригады, в открытом пространстве, занимаемом станционными путями. Его поддерживали два дивизиона артиллерии из-за Савы.

На КП все заняли свои места.

По данным упомянутой книги "Белградская операция" прорвалось из окружения 12000 человек из 30000.

- У вас все готово? - спросил я командиров 3-го мотострелкового батальона и батальона 73-й дивизии.

- Так точно! - ответили они.

- Подпустить ближе, и бить наверняка. Огонь - по единой вашей команде, но не ранее чем осуществится заградогонь минометного батальона.

Прошло пять томительных минут. Мне показалось, что капитан Носков опаздывает. Звоню на его КП и в трубку слышу знакомые голоса Носкова и старшего лейтенанта Александра Дмитриевича Ионова (старшего адъютанта минбатальона), подающих команды на открытие огня: минометы-то в батальоне двух калибров. Я положил трубку.

Вскоре стена разрывов накрыла гитлеровский боевой порядок. Точность заградительного огня была такой, что пехота оказалась отсеченной от танков. И сразу же открыли огонь танки, 45 мм и 76 мм орудия и стрелки. Вспыхнул один, потом второй танк. Пехота залегла и вскоре от губительного огня покатила назад. Танки начали пятиться, разворачиваться и уходить. Остались убитые и ползающие раненые. Минометный залп накрыл убегающих фашистов на новом рубеже.

Так бесславно закончилась самая значительная контратака за время боев бригады в городе.

Вновь отличилась 1-я танковая рота старшего лейтенанта Дубенкова, уничтожившая два и повредившая один танк. А наводчик 82 мм миномета гвардии рядовой И.С.Слепцов перекрыл все нормы скорострельности миномета, посылая на врага мину за миной.

В 12 часов 10 минут началась вторая контратака гитлеровцев, на этот раз на правом фланге бригады, против 1-го мотострелкового батальона и частично стрелкового батальона 236-й стрелковой дивизии. В ней участвовал батальон вражеской пехоты с восемью танками. Она закончилась также бесславно, как и первая.

Мы понимали, что контратаки враг наносит в интересах Пожаревацкой группировки. И не допустить контратакующих навстречу ей - наша святая задача. Но в ходе контратак противник понес немалые потери. Ему требуется несколько часов, чтобы привести подразделения в порядок. Я считал этот момент благоприятным для возобновления наступления, тем более, что противник этого не ожидает.

До 14-ти часов 30 минут все части и подразделения получили задачи, был подготовлен огонь минометного батальона, орудий прямой наводки и танков по опорным пунктам, ДЗО-там и пулеметным точкам.

В 15-ть часов после короткого огневого налета бригада перешла в атаку. Завязался тяжелый бой за каждый дом, каждый этаж, за перекрестки. Батальоны упорно двигались вперед и к вечеру находились на рубеже Ташмайдан, здания министерств, 150 м от главного вокзала к югу.

В этом наступлении отличились мотострелковая и пулеметная роты 1-го батальона под командованием старшего лейтенанта А.К.Спиридонова и лейтенанта О.Н.Варнаровского, мотострелковая рота 3-го батальона во главе со старшим лейтенантом В.И.Натекиным. Умело действовали все три танковые роты. Танки были опорой при атаке всех опорных пунктов. Например, командир танка гвардии младший лейтенант Хмельницкий отличился и здесь. Он уничтожил танк, бронетранспортер, несколько десятков фашистов и обеспечил успех штурма крупного дома. Здесь он, к сожалению, получил тяжелое ранение и выбыл из строя.

Как всегда, четко работала медицинская служба, возглавляемая бригадным врачом майором А.П.Сергиенко. Он умело маневрировал младшим медперсоналом. Для помощи раненым и их эвакуации он заранее перебросил фельдшеров и санитаров с более спокойных мест боевого порядка в атакующие батальоны. Из артиллерийского дивизиона, например, группа во главе с фельдшером лейтенантом М.А.Скрипниченко во время атаки, под огнем, оказала помощь и вынесла более 20-ти раненых.

В этот день оборвалась жизнь Маши Киселевой, прекрасного санинструктора. Она погибла, перевязывая раненых. Ее прах покоится в братской могиле в Белграде.

Вечером я доложил начальнику штаба корпуса о боях за день.

- Думаю, и об этом доложу комкору, что 13-я, хотя и не взяла мост, свою задачу выполнила: сорвала встречный удар из Белграда на юго-восток.

Затем он проинформировал о ходе боев по уничтожению окруженной группировки Штеттнера и спросил о потерях.

- Потери есть. Эвакуируем раненных, и хороним.

- Продержитесь еще сутки, потом придем на помощь. Срывайте атаки фашистов.

В ночь на 19-е октября вернулся в бригаду из Мал-Мокри-Луг 2-й мотострелковый батальон. Он действовал успешно: уничтожил сотни гитлеровцев и немало взял пленных.

Попытка наступать с утра 19-го октября для овладения зданиями министерств и главным вокзалом успеха не имела. В 11-ть часов позвонил генерал Жданов и потребовал доложить обстановку, затем сказал:

- 13-я сделала свое дело доблестно, почти в одиночку. А здесь Пожаревацкая группировка сдастся, заканчивает существование. Можете нас поздравить с ее разгромом.

- Примите поздравление от гвардейцев 13-й, товарищ генерал.

- Спасибо. Мы с Дапчевичем начинаем перегруппировку войск в Белград с тем, чтобы завершить его освобождение. Пока приостановите наступление, но к 18-ти часам будьте готовы возобновить его вместе с главными силами. Распоряжение получите.

Пригласил начальника штаба, командира танкового полка, начальника артиллерии и командира югославской бригады. Заново проанализировали обстановку, подсчитали свои возможности, после чего я уточнил задачи танковому, противотанковому, зенитному полкам, батальонам и артиллерии. Одну танковую роту было решено иметь в резерве и развернуть для удара по предмостному опорному пункту. Штаб четко довел задачи до исполнителей.

В этот момент позвонил подполковник Толубко.

- Геннадий, комкор на усиление вам назначил 814-й стрелковый полк 236-й дивизии, один батальон которого уже у вас, 2-й дивизион 140-го минометного полка (18 120 мм минометов). Они уже движутся к площади Славия, организуйте встречу.

- Ты меня, Володя, обрадовал. А мины у дивизиона есть?

- Разумеется, но сколько - не знаю. Вам сообщит штаб артиллерии корпуса. Сообщаю, кто и с какого рубежа будет наступать. От Дуная до Ташмайдана - 11-я инженерно-штурмовая бригада и 236-я стрелковая дивизии (без полка) с танковым батальоном 36-й танковой бригады - в направлении северной части крепости; от Ташмайдана до улицы Милоша Великого - 14-я мехбригада в направлении здания "Албания"; в направлении главного вокзала и моста - ваша бригада с 814-м полком 236-й стрелковой дивизии; в Чукарице - 15-я мехбригада, часть сил 73-й стрелковой дивизии и части 12-го ударного корпуса НОАЮ. Готовность в 18.00 сегодня.

- А как авиация?

- Наносит удары по целям за рекой.

Тотчас мы внесли изменения в план огня, наметив цели прибывающему минометному дивизиону. Подполковник Клейменов отправился встречать и ставить в исходное положение 814-й стрелковый полк.

Поскольку меня беспокоил 3-й мотострелковый батальон, то второй эшелон - 2-й мотострелковый батальон я поставил за ним. И как только были приняты все решения, я последовал к Ковалеву.

По прибытии на КНП потребовал доклада о противнике и месте подразделений батальона. Ковалев докладывал неуверенно, путал, приходилось прибегать к помощи старшего адъютанта старшего лейтенанта Игнатьева. Нечетким было и решение на наступление.

- Лейтенант Качала, - обратился я к прибывшему со мной офицеру связи. - Привезите сюда капитана Ярцева, я ему позвоню.

- Капитан Ярцев, прибыть в 3-й батальон и вступить в его командование на сутки. Качала за вами выехал.

Вскоре прибыл Иван Петрович.

- Вы, товарищ Ярцев, командир батальона. Задача - взять главный вокзал и мост. А вы, товарищ Ковалев, отправляйтесь в бригадный медпункт и полечитесь.

Я понимал, что у Ярцева, в отличие от Ковалева, ускоренная подготовка, что он не прошел матушку роту. Но в данный момент Ярцев превосходил энергией, ответственностью и шире знал обстановку.

Некоторое время мы беседовали об организации боя батальона, и я убыл.

Должен отметить, что Иван Петрович успел организовать бой, уверенно управлял батальоном и доверие оправдал вполне.

Около 17-ти часов меня посетил командир 14-й мехбригады полковник Никодим Алексеевич Никитин. Высокий, стройный, всегда выдержанный, оперативный, но без спешки, он вызывал чувство симпатии.

- Геннадий Иванович, ты конечно знаешь, что я твой сосед справа. Помоги найти твой правый фланг, познакомь, где и какой противник.

- Время у вас в обрез, но сделаем.

И мы с капитаном Бабкиным с нашего КП показали передний край противника и наш, а офицер штаба подготовился проводить комбрига на правый фланг 814-го стрелкового полка.

- Спасибо, будем держать связь, - прощаясь, сказал Никодим Алексеевич.

После приема докладов о готовности подчиненных, обратился со своим докладом к начальнику штаба корпуса. Выслушав четыре слова доклада, полковник Чиж спросил:

- Не готова 1-я Пролетарская дивизия. Как вы считаете, можно ли начинать атаку?

- Начинать, начинать, товарищ полковник. Нужно захватить светлое время, да и не погасить стремление гвардейцев к последнему удару в этом городе.

- Ясно. Доложу комкору.

Вскоре поступило подтверждение о начале атаки с 18-ти часов.

Мы были уверены в успехе, превосходство нашей группировки, включая НОАЮ, над противником составляло: в личном составе - 3 : 1, в танках и артиллерии - 4 : 1. И абсолютное превосходство в авиации.

А в 18-ть часов начался пятиминутный огневой налет, затем - атака, сопровождавшаяся мощной артиллерийской и авиационной поддержкой. Постольку перед нашей бригадой в районе главного вокзала и моста противник имел наибольшую плотность сил и средств, ибо потеря моста означала гибель уцелевшей части белградского гарнизона, поскольку первоначально ни наша, ни 14-я мехбригады продвижения не имели. А штурм продолжался всю ночь.

К утру 11-я инженерно-штурмовая бригада и 236-я стрелковая дивизия продвинулись до крепости. Несколькими кварталами овладела и 1-я Пролетарская дивизия.

Ночью я перенес свой КП к перекрестку улиц Штрассмайерова и Поцерца, почти на линию КНП батальонов, чтобы лучше видеть объекты атаки и ход боя.

К исходу дня вызвал бригадного инженера и спросил:

- Капитан Семененко, противник как бы не сопротивлялся, но отойдет, так как ждать ему с востока больше некого. Значит, он может взорвать мост?

- Конечно.

- Что же делать?

- Обезопасить мост. Пошлем группу саперов с соблюдением особой скрытности, они перережут провода, если мост подготовлен к взрыву.

Семененко вышел и вскоре вернулся с худощавым лейтенантом, в котором я узнал старшего лейтенанта М.А.Некрасова, командира саперного взвода.

- Вы готовы? - спросил я.

- Готов. И во взводе есть надежные ребята.

- Используйте насыпь железной дороги, идущей рядом с рекой и для ориентирования и для маскировки. Дорога проходит под концом Савского моста. У этого конца и ищите провода.

- Есть!

И офицер исчез.

В третьем часу ночи 20-го октября в присутствии капитана Семененко лейтенант Некрасов доложил о выполнении задания. Его группа нашла под концом моста и перерезала четыре провода, а сверху моста проводов не обнаружила.

- А, может, фашисты и не планируют взорвать мост, - спросил я. - вы, наверное, резали провода связи.

- Не исключено, - ответили Семененко и Некрасов. Штурм продолжался, но за ночь 814-й стрелковый полк и батальоны взяли только по несколько зданий. Занялась заря, когда со стороны противника резко усилился пулеметный огонь, стрельба орудий прямой наводкой, а главное - мощный огонь артиллерии, в основном калибра 150 мм с западного берега Савы и из крепости.

Сидящий рядом майор Федоров предупреждает по телефону одного за другим командиров о готовности к отражению возможной контратаки противника. Прошло минут семь-десять, а огонь не ослабевает. Заря разгорается, начинается рассвет.

И тут мелькнула догадка: не отходит ли фашист? "Да, конечно отходит. Сколько раз за войну приходилось наблюдать этот шаблонный трюк гитлеровцев".

- Сергей, всех командиров на связь циркулярно! - приказал я майору Федорову. - Я - по телефону, вы - по радио. Приказ: противник начал отход. Незамедлительно усилить атаки с прежними задачами.

Получив распоряжения, части и подразделений резко усилили огонь всех видов.

О наших подозрениях и мерах майор Федоров доложил в штаб корпуса.

- Следить и чаще информировать, - ответил полковник Чиж.

Начался рассвет. В дымке стало заметно движение машин и пеших групп противника по мосту за реку.

- Майор Лещенко, сосредоточьте огонь одной батареи 120 мм минометов у входа на мост, чтобы пересечь уход гитлеровцев. А по предмостной площади на западном берегу - огонь дивизиона катеров.

- Выполняю.

И майор начал подавать команды. Вскоре этот огонь и огонь зенитной батареи 1347-го зенитного артиллерийского полка, действовавшей с 3-м мотострелковым батальоном, остановили движение по мосту.

В 8 часов поступили первые доклады от наступающих о том, что начали продвижение и захватили первые кварталы.

- Сейчас по берегу к мосту подойдет резервная 3-я танковая рота с десантом. Предупредите свои батареи.

Видно было, как эта рота по команде командира полка двинулась и начала вести огонь с коротких остановок. Но вдруг остановилась. Майор Федоров запросил, и подполковник Тулов ответил: мины, их начали убирать. Это минно-саперный взвод во главе со старшим лейтенантом Сентемовым, находясь в десанте, через несколько минут освободил танкам путь.

Ввод свежей танковой роты создал перевес сил. 3-й мотострелковый батальон, левее его двухротный стрелковый батальон 73-й дивизии ускорили наступление, и противник стал покидать позиции.

- Капитан Фролов, у соседа слева успех. Ускорьте захват зданий министерств вашим 1-м батальоном и выходите непосредственно севернее моста.

- Понял.

Ускорил движение и 1-й батальон. Звоню командиру 814-го стрелкового полка:

- Прижмитесь к 1-му батальону, у него есть танки. После выхода на привокзальную улицу наступайте в сторону гостиницы "Москва" и перекройте путь отхода гитлеровцам из крепости к мосту.

- Постараюсь, - ответил командир полка, подполковник, фамилия которого не сохранилась в памяти.

Около 9-ти часов, когда наступил полный рассвет, с КП мы увидели подход танков со стрельбой к главному вокзалу, а за ними - мотострелков. Эта была 2-я танковая рота под командованием капитана А.Г.Дюрдьева. Левее вдоль берега двигалась вперед 3-я танковая рота, за ней - спешенный десант.

Спрашиваю капитана Ярцева:

- Кто штурмует главный вокзал?

- Танки Дюрдьева и 8-я мотострелковая рота старшего лейтенанта Ильи Ефимовича Вейгмана.

- А где рота Натекина?

- Старший лейтенант Натекин со своей 6-й ротой готовится к обходу вокзала слева и захвату моста.

- Хорошо.

Чувствовалось, что капитан Ярцев вполне вошел в роль комбата.

Звоню командиру танкового полка.

- Петр Федорович, подводите танки с огнем ближе к мосту, чтобы мотострелков вытащить на мост.

- Понял.

И тут же мы увидели выход на привокзальную улицу, справа от вокзала, танков 1-й танковой роты старшего лейтенанта Дубенкова с перебегающими за ними мотострелками и четой югославов.

- Капитан Фролов, помогите огнем танков соседу слева выйти на мост.

- Все вижу, поможем.

В 9 часов 30 минут капитан Ярцев доложил, что главный вокзал взят.

- Роту Натекина, чету югославов со 2-й танковой ротой направляю к мосту.

- Поторопитесь. Надо не дать взорвать мост.

Теперь весь танковый полк пошел быстро вперед, ведя огонь с ходу, прямо на мост шла, как и было решено, 2-я танковая рота Дюрдьева, правее - 1-я Дубенкова, левее - 3-я, фамилия командира которой не сохранилась в памяти. За ними совершали перебежки мотострелковые роты.

Мешал огонь с запада, из-за реки, из кварталов севернее моста, но туда успешно наступали 814-й стрелковый полк и 14-я мехбригада.

- Подавить цели за мостом, туда пойдут танки и мотострелки, - передаю начальнику артиллерии.

- Уже перенацелен весь дивизион 140-го минометного полка. Продолжают вести огонь туда и моряки.

В 50-100 м от моста танки остановились. Спрашиваю подполковника Тулова, что случилось. Вновь мины в наброс.

Действовавшие с танковыми ротами взводы саперов старшего лейтенанта Сектемова и лейтенанта Некрасова, под руководством командира инженерно-минной роты старшего лейтенанта Ткаченко, быстро растащили "кошками" и шестами минное поле.

Вперед к мосту бегом бросилась мотострелковая рота 3-го мотострелкового батальона старшего лейтенанта Наткина и захватила вход на мост. Для прострела моста по его краям Наткин поставил пулеметный взвод, а капитан Ярцев по обеим сторонам моста, у железнодорожной насыпи, - пулеметную роту. Об этом я узнал из доклада капитана Ярцева ровно в 10 часов.

- Как с проверкой моста на минирование? - спрашиваю капитана Семененко.

- Ткаченко это уже делает. Жду доклада.

И вскоре он доложил: "Не перерезанных проводов нет. Заряды взрывчатых веществ в начале моста не обнаружены".

- Что дальше? - спрашиваю капитана Ярцева.

- Наткин назначил лучшее отделение под командованием сержанта Федора Григорьевича Трофименко пересечь мост. Оно пойдет с отделением минеров в сопровождении пулеметного взвода. Когда они займут противоположный конец моста, пушу колонну.

- Согласен, но без столпотворения. Поставьте для регулирования офицера, пустите сначала одну роту со взводом танков, затем всю танковую роту, вторую часть батальона, а потом уже батальон 73-й гвардейской стрелковой дивизии.

- Выполняю.

Как будто замерли наши сердца, когда Трофименко, саперы и пулеметчики бежали по мосту. И вот они залегли на противоположном берегу и открыли огонь в западном направлении. И тут же бегом двинулась по мосту рота старшего лейтенанта Наткина с четой югославских воинов, а за ней - танки роты Дюрдьева. В 10.30 они были на западном берегу.

- Ура! - крикнули мы на КП. - Мост - наш!

И тут же я доложил начальнику штаба корпуса о взятии моста, состоявшемся в 10-ть часов 30 минут. Владимир Филиппович Чиж воскликнул:

- Победа! Это - большой успех, Обатуров. Продолжайте переправу.

Через несколько минут позвонил генерал Жданов.

- Поздравляю с большим успехом, дайте место на переправе 73-й и 236-й дивизиям.

- Есть.

Капитан Ярцев доложил:

- У главного вокзала захвачено 7 танков и 12 пушек, все исправные.

- Понял. Выезжаю к мосту.

Со мной последовал и командир бригады НОАЮ. У моста мы встретились с подполковником Туловым, капитанами Ярцевым и Носковым. Мы их всех поздравили с успехом, передав поздравление комкора. А в это время шел по мосту батальон 73-й стрелковой дивизии, шел медленно, шагом.

- Где комбат? - спросил я одного из офицеров батальона.

- Он впереди, в голове.

- Я - командир 13-й гвардейской мехбригады. Передайте комбату: мост проходить только бегом.

- Но там конная батарея...

- А разве она не ходит рысью? Выполняйте.

Это же приказание было передано и 814-му полку 236-й стрелковой дивизии.

А теперь, уважаемый читатель, необходимое отступление.

Ход событий показал, что ключевым объектом в городе был Савский мост: для противника он - главная коммуникация, для нас - важнейшая цель штурма.

Естественно, в исторических описаниях и воспоминаниях участников борьбе за этот мост уделяется особое внимание. В итоге, переплелись, правда и неправда из-за описаний по принципу: кто первый сказал, тот и мост взял. А искажение правды началось в 68-м стрелковом корпусе, затем вошло в первое многотомное издание истории Великой Отечественной войны.

Некоторые писатели доходили и до абсурда. К 40-летию белградской операции в "Правде" один из участников операции умудрился написать, что Савский мост взял... минометный расчет, где он был заряжающим. Беда, когда берутся редактировать книги по истории операций люди, не только не участвовавшие в них, но и вообще не видевшие ни одного боя. Так случилось с книгой "Белградская операция", второе издание которой вышло в 1990-м году.

Наряду со многими ошибками и неточностями, в ней на страницах 270-271-й утверждается, что 12-ть воинов 73-й гвардейской стрелковой дивизии во главе с замполитом 211-го стрелкового полка майором П.К.Ткаченко захватили мост и удерживали его до подхода 13-й гвардейской мехбригады.

Стрелковый батальон этого полка был в моем подчинении с 15-го октября, но никто из командования полка со мной не встречался, включая и Ткаченко. В бою за мост батальон наступал по берегу двумя ротами. Этот батальон вышел вдоль железной дороги, идущей под мост, так как мост намного выше ее, а начало моста на 60 м правее и выше. Батальон и "скрытно" находившейся в нем Ткаченко не могли попасть к выходу на мост раньше танков и 3-го мотострелкового батальона 13-й бригады. Не случайно сержант Трофименко командиром 4-го мехкорпуса за подвиг при захвате моста был награжден орденом Славы III степени.

Правда в том, что взятие моста преодолели совместные действия 13-й мехбригады, 814 стрелкового полка 236-й стрелковой дивизии и батальона 211-го стрелкового полка 73-й гвардейской стрелковой дивизии. Но главную роль сыграли танки 38-го гвардейского танкового полка 13-й бригады, проложившие мотопехоте и стрелкам путь к мосту.

Вернемся, однако, к ходу событий. В 13-ть часов я получил неожиданное распоряжение: прекратить переправу бригады, вернуть переправившиеся подразделения, выйти к Чукарице и совместно с 15-й мехбригадой и частями 12-го ударного корпуса ликвидировать узел сопротивления фашистов.

Мы с командиром югославской бригады тепло попрощались, пожелав друг другу успехов.

Штаб бригады остановил движение по мосту, быстро возвратил переправившиеся подразделения, и я повел бригаду в Чукарицу. Вблизи площади Мостар встретил колонны 8-й и 11-й дивизий 12-го корпуса, получившие задачу наступать с левого берега Савы на запад.

Это была первая неприятность, связанная с Чукарицей.

Штаб выбрал место для КП. Это была высота 207,0,400 м восточнее церкви, покрытая редким кустарником, и обеспечивавшая хороший обзор.

Связавшись с КП 15-й бригады, я отправился к соседу, поручив начальнику штаба развернуть бригаду и организовать разведку и наблюдение.

С командиром 15-й мехбригады подполковником Михаилом Александровичем Андриановым мы не виделись с 12-го октября, Среднего роста, умеренной полноты, старше меня на пять лет, он отличался четкой распорядительностью и самостоятельностью.

- Михаил Александрович, штаб корпуса (подполковник Толубко) вчера информировал меня, что с вечера 19-го ваша бригада должна здесь наступать совместно с 12-м корпусом югославов. Было ли это?

- Нет. Бригаду я привел сюда только к 21-му часу 19-го октября. За ночь командование 12-го корпуса не нашли, а с 10-ти часов сегодня его дивизии потянулись на мост, который вы взяли.

- У вас, наверное, та же задача, что и у меня: разгромить узел сопротивления в Чукарице. почему же не наступаете?

- Хотел, но в 13-ть часов мне штаб корпуса сказал, что идет сюда 13-я. Я тебя жал.

- Что за противник в Чукарице?

- Мы с югославами определили, что тут до двух пехотных батальонов с двумя дивизионами артиллерии и четырьмя танками. Основные опорные пункты на северной и южной окраинах.

- А где 73-я стрелковая дивизия?

- Ее здесь не было.

- Тогда поделим Чукарицу и без задержки начнем наступление?

- У тебя, Геннадий Иванович, бригада, а у меня полбригады. Слышал?

- Знаю. Ты дрался в окружении многократно превосходящих сил противника.

И мы установили разгранлинию так, что одна треть поселка на юге освобождалась 15-й, а две трети - центр и север - 13-й бригадами.

Как оказалось, не зная противника, я допустил просчет.

По принятому решению бригада строилась в два эшелона: в первом - танковый полк, 2-й, 3-й мотострелковые батальоны, во втором - 1-й батальон за 2-м. Перед самым наступлением начальник разведки капитан Бабкин доложил, что на северо-западной окраине поселка есть железнодорожный тоннель, занятый фашистами.

- Капитан Семененко, думайте, как будем брать тоннель.

- Сначала его разведую.

- Конечно.

Примерно к 17-ти часам ко мне прибыла группа священников.

- Мы просим, - обратился ко мне старший, из прибывших, - не стреляйте по храму. Это одна из лучших по архитектуре церквей Югославии, освященная тремя последними главами сербской православной церкви.

Я еще раз рассмотрел церковь в бинокль. Она, на мой взгляд, была действительно архитектурной редкостью. Но из ее пределов и звонницы строчили вражеские пулеметы.

- А фашистов вы просили покинуть храм?

- Нет. Они нас не допускают туда, грозят убить, - ответил старший.

- Сделаем все возможное, чтобы не тронуть церковь, - заверил я просителей.

Они откланялись и ушли.

В 17.40, после огневого налета, началась атака. Главный удар наносился по опорному пункту на северной окраине поселка. Наступавшие впереди танки одной роты вдруг остановились. Из имевшихся здесь одно-двухэтажных домов фашисты обстреляли танки фауст-патронами. Бригада впервые их испытала на себе. Башни двух танков были пробиты, люди в башнях погибли.

Я остановил атаку и с командиром танкового полка выехал к поврежденным танкам.

После осмотра подполковник Тулов сказал:

- Здесь танкам наступать нельзя.

- Без танков узел сопротивления брать два дня, а нам дано два часа, - возразил Иван Яковлевич.

Подумав, приказал:

- На этом направлении наступать так: мотострелковым ротам идти впереди и захватывать дома; танками - сзади, поддерживать мотострелков огнем пулеметов, обстреливать окна и чердаки. Снаряды не применять.

В 18.30 бригада возобновила атаку, обходя церковь справа и слева. Фашисты оставили ее, начали убежать, но были перебиты 3-м батальоном. Храм не пострадал.

Сосед - 15-я бригада в своей полосе раньше справилась с противостоящими незначительными силами противника, дошла до Савы, разбила часть гитлеровцев в лодках, и, сомкнувшись в колонны, ушла в город.

3-й батальон быстро овладел центром и к 19-ти часам вышел на западную окраину Чукарицы. 2-й мотострелковый батальон встретил упорное сопротивление и лишь к 20-ти часам подошел на 300 м к тоннелю.

Выйти к западному входу в тоннель танкам, наступавшим с 3-м батальоном, мешал глубокий овраг каньонного типа.

- При огневой поддержке танков выходите мотострелковыми ротами к тоннелю и блокируйте его с запада, - приказал я Ковалеву.

В 20-ть часов с минутами вызвал по радио полковник Чиж.

- Почему задерживаетесь?

Я доложил обстановку, подчеркнув, что обещанных соседей нет.

- Как так? И тем и другим ставилась задача.

- Югославы снялись еще днем, а 73-й дивизии и не было.

- Что вам нужно, чтобы выбить противника из тоннеля?

- Только время.

- Времени, Геннадий Иванович, нет. Мы донесли, что Белград очищен от противника.

- В конце концов, Чукарица - не Белград. Кто наплевательски отнесся к этому "орешку" и снял силы, пусть отвечает. А мы его возьмем.

- Сделайте через невозможное. Спрашиваю капитана Семененко:

- Вы разведали? Ваше предложение?

- Тоннель с поворотом, стрельба из пушек в него может вызвать обвал. Можно платформы с толовыми шашками весом 200 гр. Рассчитаем длину концов бикфордова шнура. В тоннель идет уклон, подожжем шнуры, разгоним платформы, и они рванут в тоннеле.

- Нет, - мелькнуло в голове. - Шесть бочек с дизтопливом, по три на борт, закрепить. Подготовить фитили из хлопчатобумажного шнура по числу бочек. По готовности внизу каждой бочки пробить отверстия, вставить плотно фитили, чтобы пламя не гасло, поджечь и разогнать платформу. Этот огненный ерш выкурит врага.

Все согласились. В 20-ть часов 40 минут платформа пошла и, одевшись в огненный чехол, скрылась в тоннеле.

И в это время на радио прозвучал голос генерала Жданова:

- Тебе не стыдно, Обатуров? В Москве в 21 час - салют по поводу взятия Белграда, а ты возишься с ротой.

- Виноват, не успел, но скоро их прикончим.

- Жду скорого доклада.

В тоннель с обоих входов, освещаемых ракетами, полетели осколочные танковые снаряды. Вскоре появились флаги у западного входа и вслед за ними - толпа немцев с поднятыми руками, стремительно убегавшая из тоннеля. Лишь спустя несколько минут, медленно, потеряв скорость, выползла платформа, все еще объятая пламенем.

Более 150-ти солдат и офицеров сдались, а в тоннеле было насчитано до 70-ти трупов.

К 21.20 20-го октября Чукарица была освобождена от врага. Пал последний его бастион. Помимо пленных, было захвачено: танков - 4, мотокатеров - 12, БТР - 2, орудий полевых - 10, мотоциклов - 20, стрелкового оружия - 290 единиц. А всего от бригады сложили головы в Чукарице до 140 фашистов.

Тотчас я доложил в штаб корпуса, принял доклад подполковника Толубко.

- Отлично. Доложу хозяину. Подождите. Вскоре послышался голос комкора.

- Спасибо. Немножко позже салюта в Москве, но вовремя. Наша честь осталась при нас. Поздравляю!

А крепость Калемагдан была взята штурмом 14-й и 36-й бригадами корпуса, инженерно-штурмовой бригадой и 1-м Пролетарским корпусом.

Так закончилась Белградская операция, в которой участвовали армии трех союзных государств. Единственная операция, в которой штурмовал укрепленный противником крупный город механизированный корпус. Конечно, если не считать Берлин.

Операция была блестяще проведена. Все цели ее выполнены. Разгромлена армейская группа "Сербия", серьезный урон нанесен группе армий "Е".

Еще одной, неплановой цели нам удалось достичь: мы спасли столицу Югославии от разрушения, спасли ценой жизни некоторой части наших воинов.

Определенный вклад в победоносное завершение операции внесла и 13-я гвардейская механизированная бригада. Она уничтожила: солдат и офицеров - 4179, танков и штурмовых орудий - 16, орудий - 61, минометов - 24, автомашин - 96, бронетранспортеров - 2, мотоциклов - 20, стрелкового оружия - более 500 единиц.

Кроме того, действовавшие с бригадой югославские части убили и ранили 445 солдат и офицеров, уничтожили: танков - 8, автомашин - 6, минометов - 4, орудий - 2.

Но и потери бригада понесла значительные. За освобождение братской Югославии легли в ее землю 87 гвардейцев, получили ранения 358 человек; сгорело танков - 7, автомашин - 6, разбито 120 мм минометов - 1, 82 мм минометов - 3, орудий 45 мм - 2.

К 14.00 часам 21-го октября бригада сосредоточилась в парках северо-восточнее Чукарицы, где начала приводить личный состав, оружие и технику в порядок и пополнять материальные средства.

А столица Югославии ликовала. Радостные жители заполнили улицы, целовались и плакали, всех воинов Красной Армии при встрече благодарно обнимали, даже угощали из своих скудных запасов. А советские и югославские воины салютовали пуском ракет.

22-го октября состоялись похороны погибших советских и югославских воинов в братской могиле на площади Славия. Среди погребенных в этой могиле и гвардии майор Василий Дмитриевич Мозговой и отважный санинструктор Маша Киселева.

Всю процедуру возглавил генералы Жданов и Пеко Дапчевич. Активно участвовали в ней 14-я механизированная и 36-я танковая бригады. А нашу бригаду, хотя бы делегацию от нее не пригласили. Не удалось нам предать земле наших однопольчан.

Бывавшие в Белграде после войны рассказывали, что имя Мозгового в числе первых вырублено на надгробии.

23-го октября состоялся парад советских и югославских частей, участвовавших в освобождении Белграда, завершившийся митингом. Нашу бригаду в парад генерал Жданов не включил.

Позже, в корпусной газете я прочитал слова, сказанные на траурном митинге командующим 1-й армейской группой НОАЮ генералом-подполковником Пеко Дапчевичем: "Братья - освободители!... Наши дети, сестры, жены никогда не забудут вас, жизнь отдавших в борьбе за спасение народов Югославии от фашистского ига!..."

Не знаю, забыли или нет? С тех ратных дней я в Белграде не был. Но вот в Польше, Румынии, Венгрии забыли. Памятники разрушают, чтобы стереть память о наших воинах у своих народов.

Гвардейцы корпуса получили благодарность в приказе Верховного Главнокомандующего. Почетные наименования "белградских" получила 15-я гвардейская мехбригада, 1512-й противотанковый полк корпуса и 38-й гвардейский танковый полк нашей бригады, ставший именоваться "Новобутско-Белградским".

Более двухсот воинов бригады получили награды от командующего войсками фронта, командира корпуса и командира бригады.

314 человек в корпусе награждены президиумом Антифашистского вече народного освобождения Югославии орденами и медалями, в том числе около 40 человек из 13-й бригады. Командир корпуса генерал-лейтенант танковых войск Жданов удостоился звания Народного Героя Югославии.

Возможно причиной того, что бригада не была на траурном митинге и на параде, является то, что корпус переходил в состав войск 2-го Украинского фронта в Венгрию. И 13-й бригаде пришлось первой переправляться на северный берег Дуная. Во второй половине дня 21-го октября я получил приказ: до 18-ти часов 24-го октября закончить

переправу через Дунай севернее крепости. К утру 23-го октября бригада вышла в район переправы и рассредоточилась.

Впереди были новые бои с врагом, победные и менее удачные.

21-го и 22-го я подписывал представления к награждению или сам награждал. Душа вновь наполнилась гордостью за нашу великую многонациональную семью. Передо мной описываются героические дела русского Белопухова, узбека Саматова, украинца Кругляка, коми Кузнецова, татарина Шахназарова, еврея Вейгмана, казаха Арсамбекова, удмурта Веретенникова, латыша Вейса, армянина Казаряна, азербайджанца Алиева, грузина Арабули, белоруса Турчина и т.д.

Наконец, эта операция открыла для меня вот еще что. Ни в одной стране, кроме Югославии, в течение всей второй мировой войны не велась всенародная вооруженная борьба с захватчиками. Были партизаны, мелкие группы вооруженных патриотов, но не было целой освободительной армии. Почему? Потому, видимо, что не было такого организатора и руководителя, как компартия Югославии, сумевшая выразить и патриотизм, и коренные интересы трудового народа. Жаль, что Югославия не вошла формально в антигитлеровскую коалицию!